

Туймебаев Ж.К., Егоров Н.И., Чеченов А.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ТУРАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ**

Туймебаев Ж.К., Егоров Н.И., Чеченов А.А.

*Актуальные проблемы исследования
языков Центральной Азии
Туранский языковой союз*

Астана, 2009

ББК 81.2
Т 81

Рецензент:
Академик НАН РК, доктор филологических наук,
профессор **А.Т. Кайдар**

Т 81 Туймебаев Ж.К., Егоров Н.И., Чеченов А. А. Актуальные проблемы исследования языков Центральной Азии. Туранский языковой союз. Изд.: КГУ, Кокшетау, 2009. -108 с.

ISBN 978-601-261-022-2

Работа содержит изложение теоретических воззрений авторов на природу этно-лингво-культурных взаимодействий представителей туранского языкового союза, сформировавшегося в результате конвергенции (сближения) целого ряда языков и языковых семей Центральной Азии на протяжении нескольких тысячелетий. Объединяющей идеей исследования является изучение истории формирования, эволюции и функционирования туранского языкового союза с позиций компаративистики, контактологии, контрастивной и ареальной лингвистики.

Книга предназначена филологам всех специальностей, аспирантам и студентам языковых вузов, а также всем, кто интересуется тюркологией и этнолингвистикой.

ББК 81.2

ISBN 978-601-261-022-2

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития языкознания характеризуется углубленной разработкой теоретических и методологических принципов дескриптивного и компаративного изучения языков мира, выработкой новых категориальных парадигм и совершенствованием старых, испытанных временем методических приемов, подходов и процедур в целях адекватного и непротиворечивого описания структуры родственных и исторически контактировавших разносистемных языков, языковых семей, языковых общностей и союзов. Неизмеримо расширился круг языков, привлекаемых для компаративного, контрастивного, контактологического, универсально-типологического, ареального и т.д. исследования, а вместе с тем расширились и наши знания о языках и об их историческом прошлом.

Современное языкознание в целом, в том числе и компаративистика, опирается теперь не только на факте наиболее глубоко изученных индоевропейских языков, оно оперирует эмпирическим материалом всех известных языковых семей и групп. Это стало возможным благодаря глубокому описанию и генетической и типологической классификации ранее малоизученных и даже неизвестных бесписьменных и младописьменных языков мира.

В истории тюркского языкознания прошедший XX век ознаменовался многими достижениями первостепенной важности: открытие и дешифровка ранее неизвестных письменных памятников раскрыла перед исследователями новые исторические перспективы; достаточно полное синхронное описание практически всех живых тюркских языков и квалифицированное издание большинства письменных памятников обеспечило эмпирической базой компаративное направление тюркологии и способствовало созданию описательных, сравнительно-исторических грамматик, этимологических словарей и т.д.

Благодаря активно осуществляемым на протяжении последних 50 лет научно-критическим изданиям рунических, арабографических, армянографических и др. письменных памятников и параллельно, с одной стороны, систематически проводимым аналитическим исследованиям языков ранних источников и, с другой стороны, колоссальной работе по грамматическому описанию и введению в научный оборот редких, подчас вновь открытых, тюркских (афшарского, айналлу, боджнурди, лобнорского, кашкайского, саларского, сраыг югурского, сонкорского, тофаларского, фуюйско-кыргызского, халаджского, чулымско-тюркского и др.) и монгольских (баоаньского, дагурского, дунсянского, монгорского, минхэ хуцзу, шира-югурского и др.) языков и диалектов алтаистика получила основательную базу для более широких сравнительно-исторических исследований.

Одновременно с этим в тюркологии и, шире, алтаистике наступил качественно новый этап в развитии сравнительно-исторического или, как его все чаще называют, сравнительно-генетического метода исследований межъязыковых взаимоотношений. Отошли в прошлое, обнаружив свою научную несостоятельность, попытки представить вновь возникающие направления современного языкознания как более значимые по отношению к подчеркнуто противопоставляемому этим направлениям «традиционному» сравнительно- историческому языкознанию. В свою очередь и сами новые лингвистические теории в очень незначительной мере воспользовались всем богатством фактических данных, полученных на основе традиционных сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Отметим, что компаративистика (в том числе этимология) оказалась и наиболее консервативной отраслью языкознания: уже в течение более ста лет она упорно остается на теоретических позициях младограмматизма и всячески сторонится влияния других лингвистических концепций, хотя попытки внедрения новых методов в сравнительно-историческое языкознание неоднократно предпринимались. Однако лингвистические теории, возникшие после младограмматизма не оказали сколько-нибудь существенного воздействия на суть компаративистики.

Преодолению теоретических и методологических трудностей, возникающих при сравнительно-историческом изучении алтайских языков, в немалой степени может способствовать не только определенная концептуальная переориентация (хотя целесообразность, необходимость и степень такой переориентации не всегда одинаковы и однозначны), но и беспристрастная оценка и творческое переосмысление научных традиций и достижений прошлого.

Весьма поучительно, что после периода «бури и натисков» новых направлений в истории языкознания — формально-структурного, генеративного, количественного, функционального и т.д. — переживаемого местами вплоть до настоящего времени, в нашей науке наступил период переоценки отношений между сравнительно-историческим языкознанием и новыми отраслями, такими, как лингвистическая типология, историческая лингвистика, «дифференциальная лингвистика», лексикостатистика, контактологическая лингвистика, когнитивная лингвистика и т.п.

Более того, в нашей науке были предприняты попытки синтеза компаративного, типологического, генеративного, ареально-географического, контактологического и прочих подходов к изучению языков, языковых семей и языковых союзов. К работам такого плана по праву относится завершенная изданием шеститомная «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1984-2006), работы А.В.Дыбо по тюркским и алтайским языкам (Дыбо, 1996, 2007 и др.), в казахстанском языкознании труды Ж.К.Туймебаева (Туймебаев, 2004, 2005, 2006, 2008 и

др.) и т.д.

Национальные тюркские языкознания нацелены главным образом на научное обеспечение практических лингводидактических потребностей в изучении отдельных языков и, естественно, ограничиваются сугубо дескриптивными, описательными целями. Изредка встречающиеся в дескриптивных грамматиках небольшие исторические экскурсы и этимологические справки играют лишь вспомогательную роль и призваны способствовать более сознательному и тем самым эффективному усвоению языковых фактов.

На этом фоне особо отрадно отметить наблюдаемый в казахстанском языкознании заметный прорыв по всем направлениям дескриптивной, компаративной, контрастивной, контактологической, ареально-географической лингвистики. Лимит места не оставляет никакой возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на каждом из наиболее значимых работ, но все же нельзя обойти умолчанием такие фундаментальные труды, как, скажем, «Атлас орхонских памятников» М.Жолдасбекова и К.Сарткожаева на русском (2006) и казахском (2007) языках, электронный историко-культурный фонд древнетюркских рунических памятников «Түрік бітік», перевод «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари А.Егеубаевым на казахский (1998) и З.-А. М.Ауэзовой на русский (2005) языки, капитальный двухтомный свод ранее не опубликованных кыпчакских письменных памятников А.Н.Гаркавца (2002, 2007), серию самых разнообразных словарей толковых, переводных, областных, диалектных, фразеологических, устойчивых словосочетаний, орфоэпических, орфографических и т.д., и т.п. Невиданное доселе масштабы приняло в Казахстане всестороннее изучение истории и культуры казахского и других тюркских народов в их взаимоотношениях с другими народами Евразии. За последние 10-15 лет изданы многотомные сборники арабских, персидских и русских первоисточников по истории Казахстана, 50-томная Библиотека казахской этнографии, создана многотомная фундаментальная история Казахстана, охватывающая период с древнейших времен до наших дней, вышел целый ряд альтернативных историй Казахстана, Центральной Азии и казахского народа и т.д., и т.п. В совокупности своей все это создало капитальную эмпирическую базу для развития в стране комплексных сравнительно-исторических исследований по всем уровням и направлениям языкознания, благоприятные условия для резкого повышения компаративистических исследований в современном Казахстане. Показательной в этом отношении является целая серия фундаментальных трудов Ж.К.Туймебаева, посвященных различным аспектам изучения истории формирования определенной материальной общности традиционно объединяемых в алтайскую семью тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (Туймебаев, 2004, 2005, 2006, 2008) и др. В совокупности своей многочисленные труды Ж.К.Туймебаева

заложили прочную научно-теоретическую и методологическую базу для фронтального развертывания комплексных исследований в области истории тысячелетних взаимоотношений и взаимосвязей многих народов, языков, культур и цивилизаций не только в пределах современного Казахстана и, шире, Центральной Азии, но и в масштабах всего степного пояса Евразии и сопредельных территорий.

Для успешного развития комплексных исследований на основе синтеза теоретических принципов, приемов и методов компаративного, контрастивного, контактологического, ареального и др. направлений в области истории этнолингвокультурных взаимоотношений, взаимосвязей и взаимовлияний на просторах Великой степи в Казахстане создана прекрасная материальная база и динамично разворачивается работа по формированию в республике соответствующего интеллектуального потенциала. Нет никакого сомнения в том, что в самое ближайшее время Казахстана займет лидирующее положение в мире в области социально-исторических и гуманитарных отраслей тюркологии и алтаистики. Залогом тому, в частности, является создание при Евразийском национальном университете им. Л.Н.Гумилева Международного научно-исследовательского центра тюркологии и алтаистики и, наконец, созыв Кокшетауским государственным университетом им. Ш.Уалиханова нынешней Международной научной конференции «Актуальные вопросы комплексного исследования алтаистики и тюркологии».

МАНИФЕСТАЦИЯ «ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА»

Понятие «языковой союз» обычно представляется как совокупность языков того или иного географического ареала, объединяемых комплексом признаков разного структурного уровня - общностью некоторых фонетических, морфологических, грамматических черт, определенной частью лексического фонда и т.д., изоглоссы которых могут не всегда совмещаться, образуя, подобно явлениям, характерным для диалектного членения языка и группы родственных языков, «пучки изголоссы» и «зоны вибрации», которыми ареал языкового союза ограничен от других языков. Этот комплекс материально, семантически и функционально общих элементов оказывается тем мерилom, соотносительно которому конкретные языки объединяются в определенные ареальные общности, играющие примерно такую же роль, какую выполняет праязыковая модель по отношению к генетической языковой семье или языковой тип по отношению к типологическому классу языков. Таким образом напрашивается определение языкового союза как ареальной общности языков, объединенных совокупностью разноуровневых структурных признаков материального, семантического и функционального порядка, возникших в ходе конвергентного исторического развития (см. Эдельман, 1978, 113-114).

В современной лингвистике под языковым союзом понимается особый тип ареально-исторической общности языков, характеризующийся определенным количеством сходных структурных, семантических, функциональных и материальных признаков, приобретенных в результате длительных и интенсивных контактов и конвергентного развития в пределах единого географического пространства. Языковой союз как особый тип ареальной общности языков характеризуется совокупностью сходных структурных и материальных признаков на разных уровнях языковой системы — фонетики, морфологии, синтаксиса, стилистики, дискурса, а также определенной общностью в лексике и фразеологии. Комплексность разноуровневых языковых характеристик в контактирующих языках есть основной критерий для постулирования языкового союза. Наибольшей степени конвергенции подвергается обычно синтаксис взаимодействующих языков, менее других поддается конвергенции в рамках языкового союза фонетический уровень. В аспекте речевого общения и дискурса языковой союз представляет собой особого рода коммуникативную модель, где распределение по схожести / несхожести в составляющих союз языках вызвано к жизни потребностями постоянной коммуникации в условиях равнопрестижного дву- или многоязычия.

Языковые союзы возникают в результате длительных активных языковых и этнических контактов самого разного типа, имевших место в давнем или относительно недавнем прошлом, нередко продолжающиеся и в

настоящее время.

Языковой союз и подобные ему ареальные группы представляют собой вторичные, по сравнению с *языковой семьей*, ареальные образования, т.е. совокупности языков, распространенных в относительно едином ареале и объединяемых определенными — для каждого ареального образования — общими чертами в фонетической, морфологической, синтаксической структурах, общими элементами в лексике и семантике, общностью некоторых словообразовательных моделей. При этом закономерные историко-фонетические соответствия, свойственные языкам, принадлежащим к генетически единой семье, в данной общности не являются обязательными. В языковые союзы могут входить как неродственные языки, принадлежащие разным семьям, так и родственные друг другу (включая языки разной степени генетической близости). Тем самым эти группы являются результатом не изначального генетического родства, а взаимного сближения, конвергенции первоначально гетерогенных идиомов, или, по определению Р.О.Якобсона, «сродства» языков.

Существенная конвергенция языков разных классификационных групп, приводящая к образованию языковых союзов, возможна только при наличии этнокультурных контактов. Поэтому ареалы языковых союзов часть характеризуется, помимо общих языковых элементов, также определенными специфическими для каждого ареала общими чертами духовной и материальной культуры народов, говорящих на этих языках.

Классическим примером языкового союза обычно принято считать балканский языковой союз, включающий албанский, болгарский, новогреческий, румынский и в известной мере сербо-хорватский языки. В последнее время исследователи заговорили о центральноазиатском, циркумбайкальском, индокитайском, кавказском, волго-камском языковых союзах и даже более глобальном Евразийском языковом союзе.

Несмотря на наличие в современном языкознании достаточно глубоких исследований отдельных языковых союзов (например, балканского, справедливо считающегося эталонным) и некоторых ареалов актовой этнолингвокультурной конвергенции, в мировой науке еще нет таких обобщающих трудов, которые включали бы исследования ряда контактных зон, языковых союзов и других конвергентных образований различных регионов Евразии в виде сводки их основных признаков и характеристик.

Известно, что языки обширного степного пояса Евразии и примыкающих к нему с севера и юга регионов, несмотря на их принадлежность к самым различным классификационным группам и семьям, обнаруживают определенное типологическое и материальное сходство, обусловленное длительными, преимущественно ареальными, межъязыковыми контактами. Одной из перспективных задач исторического

языкознания является решение вопроса о причинах возникновения этих конвергентных типологических и материальных сходств, в частности, о языке-источнике той ли иной типологической и / или материальной близости.

В регионе степного пояса Евразии на протяжении тысячелетий шли активные процессы формирования первичных языковых ареалов древнего населения, а также его популяционных и адаптационных характеристик. В глубинах Центральной Азии формировались и перемещались многочисленные племенные образования, которые стали со временем предками тюркских, уральских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и проч. народов.

Интенсивные компаративно-контрастивные исследования языков тюркской семьи показывают не только основные тенденции спонтанного развития их исходного праязыкового состояния в разных классификационных группах, но и обнаруживают целый ряд интересных исключений и аномалий, не мотивированных закономерным ходом эволюции этих языков. Часть таких аномальных отклонений возникает, по-видимому, благодаря своеобразным мутациям системы, часть может быть объяснена конвергенцией и заимствованием элементов из других иносистемных языков в ходе длительных контактов и, наконец, часть преобразований в группе языков единого ареала (не обязательно генетически родственных) может быть обусловлена субстратным воздействием.

Воздействие иноязычного субстрата способно служить своеобразным катализатором для специфического развития тенденций, потенциально заложенных в праязыковой системе, но не реализовавшихся по разным причинам в других языках, однако может вызвать изменения и не подразумевавшиеся логикой внутреннего развития исходной праязыковой системы.

Сравнительно-исторический анализ такого рода «аномалий» может дать информацию как о внутренней истории соответствующих языков, так и о строе языка субстрата в плане его поверхностных формальных и структурных характеристик, а также более глубинных явлений, отражающих его целостный содержательно-типологический облик.

Практика изучения разных языковых союзов в последние десятилетия прошлого века показала, что даже чисто структурные черты и общие элементы языков, входящих в такого рода ареальные общности, но и некоторые содержательные моменты, общие понятийные категории и глубинные структуры, которые на поверхностном уровне (в морфологических и синтаксических структурах и в словообразовательных моделях) в разных идиомах реализоваться неодинаково, например, без калькирования, единства материальных способов выражения и т.д.

В центральноазиатском лингвистическом ареале, включающем

аридную полосу Евразии от Большого Хингана на востоке до нижнего Поволжья на западе и прилегающие к Великой Степи с севера и юга смежные территории, локализованы языки различной генетической принадлежности. Это - представители тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, которые традиционно объединяются в алтайскую семью, а также иранских, сино-тибетских, уральских и енисейско-кетских языков.

Накопленные исследования показывают, что между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и иранскими языками существуют определенные сходства на всех строевых уровнях - фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, действительно создающие некое подобие языкового союза. Рассматривая отдельные черты сходства между тюркскими и монгольскими, тюркскими и иранскими и т.д. языками, прежние исследователи однако не пытались представить эти общие особенности как специфические черты особого языкового союза. Языки Центральной Азии действительно связаны целым рядом общих, главным образом типологических, черт, проявляющихся в самых различных сферах, однако никто из исследователей не говорил о существовании в данном регионе особого языкового союза.

Одной из существенных причин сближения тюркских языков с нетюркскими (иранскими, монгольскими и др.), особенно смежными, является многовековое и интенсивное взаимодействие практически всех известных языков Центральной Азии, которое вызвало очень глубокие преобразования в структурах иранских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языков. О масштабах изменений говорят сами факты существования в языкознании понятия «смешение» и «смешанный язык», которые независимо от степени их принципиальной правильности и приемлемости дают достаточно полное представление о том, как могут соотноситься в одном конкретном языке «свое» и «чужое». Поэтому к первоочередным задачам тюркского (resp. алтайского) языкознания относится обнаружение типологических схождений тюркских языков с исторически контактировавшими иносистемными, в частности, с индоиранскими, восточноиранскими, монгольскими, самодийскими, енисейскими, сино-тибетскими и проч., и выяснение их причин, истоков и характера. Это необходимо, прежде всего, для точного уяснения объема, места и хронотопа разновременных заимствований и интерференций в каждой из групп алтайских языков.

Ряд разноуровневых структурно-типологических параллелизмов позволяет применить к этим и географически более удаленным некоторым другим (в частности, к изолированным корейскому и японскому, финно-угорским и, шире, уральским, предположительно имеющим то ли генетические, то ли контактные взаимоотношения к алтайским) языкам, понятие *языкового союза*. Его можно было бы назвать

«центральноазиатским», но данный термин в специальной литературе закрепился за языковым союзом, объединяющим главным образом восточноиранские, индоарийские и нуристанские (кафирские) языки Памира, Гиндукуша, Каракорума, Гималаев и смежных территорий (Топоров, 1965; Эдельман, 1968, 1976, 1978, 1980 и др.). Поэтому во избежание терминологической неурядицы для обозначения языковой общности обширного степного пояса Евразии предлагается более удобный и исторически обусловленный термин *туранский языковой союз*. В формировании данного языкового союза в исторический период участвовали главным образом индоиранские, иранские (архаическое состояние языков восточноиранского типа, языки юго-западной группы и др.), тюркские и монгольские языки.

Туранский языковой союз сформировался в результате длительного исторического процесса многообразного взаимодействия прежде всего иранских, тюркских и монгольских языков в Центральной Азии. Важную роль в его становлении сыграл сложный комплекс внутренних и внешних факторов развития взаимодействующих тюркских, иранских, монгольских, сино-тибетских, уральских некоторых других языков, в том числе изначальное типологическое сходство и генетическая принадлежность контактирующих языков, этнокультурные, хозяйственно-экономические и социально-политические условия их развития, воздействие глубинных субстратных и поверхностных адстратных катализаторов развития.

Уже сейчас можно назвать определенные причины, приведшие к образованию туранского языкового союза. Часть общих материальных, структурных, семантических и функциональных элементов данного союза возникла в результате конвергенции тюркских, иранских и монгольских языков, продолжающих функционировать в пределах ареала и в наше время; часть обязана своим происхождением последовательному воздействию на разные языки Центральной Азии со стороны общих субстратов - индоарийского, восточноиранского, огузско-тюркского (протобулгарского) и проч.; часть — в результате последовательного влияния в разные эпохи престижных в данном регионе персидского, арабского, монгольского, древнетюркского, среднекыпчакского и проч. языков на другие и т.д. В целом же на формирование туранского языкового союза повлияла комбинация самых разных последовательно доминировавших в данном регионе в разные эпохи факторов.

Туранский языковой союз является сложным лингвистическим объектом, сформировавшимся в результате перманентной конвергенции целого ряда языков и языковых семей Центральной Азии на протяжении нескольких тысячелетий, и требует самого разностороннего изучения с использованием синтеза приемов и методов сравнительно-исторического, сопоставительно-типологического, ареально-географического и контактологического анализа языковых фактов и явлений.

Определение границ туранского языкового союза и его основных структурных параметров происходит посредством выявления изоглосс различных поверхностных характеристик и черт континентально-типологического плана и сопоставления их ареально-географического размещения.

В связи с поисками конкретных путей формирования туранского языкового союза следует обратить внимание на определенное качественное различие элементов самого набора ареально распределенных признаков, который служит критерием для определения принадлежности того или иного языка к туранскому союзу. Такого рода качественные различия косвенным образом указывают на вероятность наличия в данном ареале общего для рассматриваемых языков или их определенной группы архаического иноязычного субстрата, а также на удельный вес его влияния на формирование языкового союза.

Приступая к диахроническому изучению туранского языкового союза, надо иметь в виду, что не все языки, входящие в данную этнолингвистическую общность разделяют все признаки, свойственные большинству языков данного союза. Интенсивность вхождения в союз каждого отдельного языка может быть различной как по количеству общих материальных и содержательных элементов, так и по степени их функциональной существенности для конкретной языковой системы.

Различие наблюдается и в степени «спаянности» входящих в туранский языковой союз мелких этноязыковых общностей.

Вхождение каждого конкретного языка в данный союз может быть полным или частичным, в зависимости от наличия в нем всех общих признаков, характерных для данного союза или только некоторых из них. Этим языковой союз кардинально отличается от языковой семьи: вхождение языка в семью не может быть частичным.

В историческом аспекте сложение туранского языкового союза, как и любого другого, акт не однократный и целенаправленный. Мы уже теперь видим или можем реконструировать достаточно адекватно некоторые механизмы диахронических процессов сложения данного этноязыкового [сообщества, можем установить относительную хронологию появления признаков вхождения в союз у языков, пришедших в ареал позднее других (например, тюркских языков в Казахстан и Среднюю Азию, монгольских языков в Дешт-и-Кыпчак, дунган в Киргизию, корейцев в Казахстан и т.д.).

Уже сейчас можно констатировать, что в туранский языковой союз входят как составная часть более тесные малые общности — алтайская, а в ее составе — тюркско-монгольская, с одной стороны, и монгольско-тунгусо-маньчжурская, с другой; среднеазиатская (тюркско-иранская), в состав которой входит меньшая — узбекско-таджикская общность и т.д.

Вместе с тем, обнаруживаются пока еще не совсем отчетливые

следы существовавшего когда-то на территории Северного Казахстана «скифо-уральского» языкового союза, который затем распался, тесного восточно-иранско-огурского (сакско-сюннуского) взаимовлияния в районе Семиречья, которое приближалось к ситуации этноязыкового союза, но затем растворилось в тюркской среде и т.д.

Типологические аномалии в общей структуре тюркских, монгольских, иранских, сино-тибетских и некоторых других генуинных семей внутри ареала туранского языкового союза дают ценный материал для установления структуры языковых субстратов не только в плане их частных подсистем, но и в плане целостной характеристики дотюркских субстратов в Центральной Азии.

В тех многочисленных случаях, когда выявленные в составных компонентах туранского языкового союза определенные материальные соответствия сводятся к языковым средствам формального порядка, их происхождение может быть объяснено как взаимными контактами соответствующих тюркских, монгольских, иранских и проч. языков, так и воздействием общего для них субстрата. Обе эти возможности истолкования существуют и при межъязыковых совпадениях в фонемной синтагматике, в некоторых словообразовательных моделях и т.д.

В тех же случаях, когда черты сходства составных компонентов языкового союза затрагивают определенные глубинные структуры, способные приобретать весьма различное выражение на уровне поверхностных структур, то с большей вероятностью можно предполагать их обусловленность фактором воздействия общего для них языкового субстрата. На уровне фонетики возникший на базе единого субстратосоюз нередко характеризуется сходными артикуляционными навыками говорящих.

Так, например, тотальный исторический переход шипящего *ш* в свистящий *с* и непосредственно связанный с ним переход аффрикаты *ч* в шипящий *ш* в канглытской группе кыпчакских языков логичнее всего объяснить влиянием исчезнувшего неизвестного субстратного языка восточноиранского типа (предположительно сакского или усуньского). Если эта гипотеза будет доказана, то можно будет с достаточным основанием утверждать, что древние саки и усунь, обитавшие преимущественно на территории современного Казахстана, были ассимилированы общими историческими предками современных казахов, каракалпаков и ногайцев. Или, говоря другими словами, ираноязычное население раннесредневекового государства Кангюй (Кангха, Кангдиз) в X – XI вв. влилось в состав тюркского (кыпчакского) родоплеменного объединения кангар или канглы. Следовательно, современные казахи и каракалпаки по языку являются тюрками-кыпчаками, а по крови – в значительной мере восточными иранцами, т.е. саками.

К этому можно добавить, что восточноиранский субстрат привел

примерно к таким же фонетическим сдвигам и в болгарской ветви тюркских языков: праязыковой шипящий *ш* чувашском развился в *сь*, а праязыковая аффриката *ч* через промежуточную ступень *ш* (зафиксированную древнеболгарскими заимствованиями в венгерском) также перешла в *сь*. Известно, что прабулгарские (оногуро-сабирские) племена в составе хуннской конфедерации в I - IV вв. н.э. прошли через территорию Казахстана, населенную в ту пору усунями, саками, кангюйцами и другими восточноиранскими племенами. Естественно, общий восточноиранский субстрат вызвал примерно одинаковые фонетические сдвиги и в канглыско-кыпчакской, и в болгарской ветвях тюркских языков. Мы вынуждены ограничить себя лишь единичным примером, но при подробном сравнительном изучении эмпирического материала следы восточноиранского субстрата можно найти на всех строевых уровнях тюркских языков центральноазиатского региона.

Таким образом выясняются достаточно веские основания предполагать, что туранский языковой союз сложился в процессе наложения различных языков на типологически более или менее единый восточноиранский субстрат и, отчасти, - в ходе дальнейшего конвергентного сближения языков внутри отдельных зон этого ареала, вследствие чего в нем вычленяются различающиеся по генетическим и структурным характеристикам подареалы.

Между тем, всестороннее изучение истории возникновения, эволюции и функционирования туранского языкового союза и ряда других контакционно-конвергентных образований чрезвычайно актуально не только с сугубо языковедческой точки зрения, но и в плане выявления разных этапов этнокультурных контактов и их различных результатов, разных типов взаимодействия этнолингвокультурных континуумов во времени и пространстве.

Ближайшей целью исследования туранского языкового союза представляется глубокий и всесторонний анализ типов древних и современных языковых и этнокультурных контактов в различных ареалах Центральной Азии и сопредельных географических регионов. Для этого предстоит решить ряд основных задач:

- анализ процессов возникновения, эволюции и функционирования туранского языкового союза;
- изучение способов контактирования входящих в него языков и этнокультурных традиций в исторической ретроспективе и современности;
- исследование мифопоэтических, фольклорных и мировоззренческих традиций, отражающих этнический менталитет, ареальную картину мира народов, проживающих в различных природно-географических ареалах, разнообразных экологических нишах и, соответственно, создавших различные хозяйственно культурные типы и т.д.;

— изучение исторической динамики этнокультурных, социально-экономических, политических и проч. процессов в ареале туранского языкового союза и т.д., и т.п.

Если взять за критерий не чистую географию, а именно ареалы и направления наиболее интенсивных межэтнических и межъязыковых взаимодействий, например, пути первоначального заселения, границы политических образований, миграции народов, культурный обмен и проч., тогда представления о пространстве Центральной Азии, на котором сформировался туранский языковой союз, не могут быть застывшими.

Целенаправленное изучение субстратно-адстратно-суперстратных этнолингвокультурных взаимосвязей в Центральной Азии обещает дать однозначные ответы на многие спорные вопросы этногенеза, этнической, социально-политической, хозяйственно-экономической, этнической и культурной истории Великой Степи.

При изучении истории формирования и динамики языковых союзов исследователь не может ограничивать себя каким-нибудь одним методом, он вынужден прибегать к интегрированному использованию всех известных современной лингвистике теоретических принципов, практических приемов и методов анализа репрезентативного эмпирического материала - компаративных, контрастивных, ареальных, контактологических и т.д. Только комплексное использование научно методологических положений и приемов обещает принести объективные теоретические и практические результаты.

ПЕРСПЕКТИВЫ АРЕАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Современный этап развития языкознания характеризуется широким использованием методов лингвистической географии и ареальной лингвистики. Основной задачей лингвистической географии является изучение пространственного размещения языковых явлений в синхронном и диахроническом планах и решение различных проблем, вытекающих из этого распределения. Синхронный план состоит в изучении пространственного изучения языковых явлений определенного хронологического уровня; диахронический — в изучении передвижения этих явлений в пространственно-временном континууме, т.е. в их исторической эволюции.

Каждое явление в языке и, шире, языковом союзе имеет территориальные ограничения, которые могут быть использованы для постановки и решения самых различных лингвистических проблем. Ареально-географическое исследование предполагает три основных этапа работы: подготовка языкового материала, картографирование и интерпретация пучков изоглосс.

Важнейшим понятием ареальной лингвистики является изоглосса. В современной ареологии различают т.н. связанные и конвергентные изоглоссы. Первые развиваются внутри генетически родственной языковой семьи и при их установлении используются приемы сравнительно-генетических исследований. Конвергентные изоглоссы возникают в результате длительных территориальных контактов изначально гетерогенных языков, образующих ареальную общность, или же параллельного развития изолированных, территориально не соприкасающихся языков. Конвергентные изоглоссы выявляются приемами и методами сопоставительно-типологического анализа.

Определение ареалов языковых союзов практически сводится к выявлению общих особенностей разных языков, входящих в данный союз. Генезис общих лингвистических фактов и явлений языкового союза может быть очень сложным - влияние общего языка-субстрата, возникновение или изначальное присутствие явления в каком-либо одном языке и последующее его распространение на другие языки, влияние смежного по территории языка, общие интерстатные заимствования из удаленных иносистемных языков, возможность случайных конвергенций и т.п.

Наиболее эффективным для изучения истории формирования языковых союзов считается выявление пучка фонетических, грамматических и лексических изоглосс; при этом фонетические и морфологические изоглоссы обычно рассматриваются как наиболее показательные.

К каждой изоглоссе предъявляются довольно строгие методические

требования, которые в основном сводятся к следующему: изоглосса должна соединять действительно общие явления; эти явления не должны быть результатом случайности; они должны представлять инновации.

Ареальное языкознание с помощью методов лингвистической географии исследует пространственное распространение языковых фактов и явлений и их межъязыковое взаимодействие – ареалы диалектного и праязыкового единства, межъязыковых и междиалектных контактов и схождений – в диахроническом аспекте. Определяющим принципом при ареальном изучении фактов языковых союзов и взаимодействующих языков и диалектов служит их фронтальный охват. Основной задачей ареального изучения туранского языкового союза является характеристика территориального распределения языковых особенностей, историко-генетическая интерпретация выявляемых изоглосс и определение областей и ареалов взаимодействия языков центральноазитатской этноязыковой общности, характеризующихся схожими структурными, семантическими, функциональными, а также в известной степени, материальными признаками. Таким образом, ареальное языкознание исследует соотношенность явлений, направление и ареалы распространения общих и отличительных явлений у ряда языков и языковых семей Центральной Азии.

В задачи изучения туранского языкового союза входят также проблемы языковой интерпретации и языковой аттракции в территориально смежных языках, этнолингвистические, социоллингвистические и лингвокультурологические типологии.

При ареальном изучении туранского языкового союза важное значение имеет разграничение синхронного и диахронического планов анализа и описания. Диахронический аспект прежде всего должен быть направлен на выявление ареалов древнейших этапов распределения индоиранских, тюркских, (восточно)-иранских, монгольских и некоторых других языков и языковых семей, так или иначе участвовавших в формировании исследуемого языкового союза, а также на определение ареалов праязыкового состояния этих языков и возникающих при этом междиалектных схождений и расхождений.

Общетюркское, общеиранское, общемонгольское и т.д. состояния следует понимать как лингвистически непрерывное пространство генетически связанных диалектов, которые разграничиваются пересекающимися изоглоссами на разных уровнях языковой структуры. На современном уровне изученности можно с достаточной уверенностью констатировать, что прототюркский этноязыковой ареал на рубеже II—I тысячелетий до н.э. располагался в южной половине циркумбайкальского региона и постепенно распространялся на Восточную Монголию. К востоку от прототюркского ареала, за Большим Хинганом, в бассейне среднего и нижнего течения Амура, располагался ареал протомонгольского языка. На западе региона в этот период распространяется ареал индоиранского языка

(археологически — карасукская культура), который в Центральной Монголии начинает взаимодействовать с прототюркским ареалом.

На последующих исторических этапах границы взаимодействия тюркского ареала с индоиранским и восточноиранским постоянно меняются по мере продвижения тюркоязычных племен на запад. Поэтому синхронный аспект связан с установлением междиалектных и межъязыковых взаимодействий и ареальных соответствий на разных диахронических срезах, начиная от доступной исследованию древности и вплоть до современного состояния туранского языка.

Ареальный метод, как известно, имеет дело со «сродством языков» (Якобсон, 1963, 97). Конвергентная природа языковых союзов и иных ареальных объединений уже давно признана в языкознании. В этой связи представляется уместным подчеркнуть нередко остающуюся в тени контактную обусловленность языковой конвергенции, игнорирование которой способно породить неадекватные представления как о путях, так и о результатах этноязыковой конвергенции, т.е. породить в конечном итоге некоторые иллюзии о самой сущности языковых общностей. Именно игнорирование с самого начала идеи о возможном контактно-конвергентном происхождении тюркско-монгольской этноязыковой общности и породило пресловутую ортодоксальную алтайскую гипотезу, априорно декларирующую изначальную гениальность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков. Углубленные исследования этой проблемы неоалтаистами, развернувшиеся со второй половины прошлого века, показали, что определенная материальная общность между «алтайскими» языками имеет контактно-конвергентную природу (Clauson, 1959, 1960, 1962; Щербак, 1997, 2005; Рона-Таш, 1974; Rõna-Tas, 1982; Туймебаев, 2004, 2005, 2006, 2008 и др.).

Приступая к ареально-географическому изучению туранского языкового союза особое внимание следует обращать на выявление причин появления, истории развития, фронта и направления экспансии инноваций и установления ареалов консервации архаизмов. При этом в ареальном изучении особое внимание следует уделять такому аспекту исследования, как поиск центра, периферии и зон диффузии в исследуемом языковом союзе. Обычно выделяются три основные зоны иррадиации языковых фактов и явлений — центральную, переходную и маргинальную, т.е. отдаленную от центра зону экспансии, где наблюдаемые изоглоссы носят менее выраженный характер.

При выявлении зон инноваций и архаизмов обычно исходят из методики ареальных норм, разработанной итальянской школой неолингвистики, однако выявление норм изолированной, периферийной, относительно более поздней и проч. областей туранского языкового союза чрезвычайно трудно. Это вызвано тем обстоятельством, что «лингвистический ландшафт» Центральной Азии на протяжении всего

доступного обозрению исторического периода из-за перманентных этноязыковых пертурбаций постоянно менялся. Поэтому изучение взаимодействий языковых ареалов в рамках туранского языкового союза требует разработки более гибких методов ареальной типологии, учитывающих специфику этноязыковых взаимодействий в условиях кочевого сообщества.

Таким образом, при ареальном изучении туранского языкового союза перед специалистами встает целый ряд проблем, в том числе: проблема деления тюркского, иранского, монгольского, уральского и проч. праязыков на исторически засвидетельствованные языки и диалектные континуумы; проблема ареальной характеристики особенностей исторически взаимодействовавших языков, языковых групп и семей в обширном аридном поясе Евразии; проблема вскрытия закономерностей этноязыковых контактов; проблема создания принципов ареальной типологии языковых союзов преимущественно кочевых в историческом прошлом народов; проблема построения теории межъязыкового взаимодействия в сообществах номадов; проблема разграничения субстратных, адстратных, интерстратных, перстратных типов языковых контактов и, наконец, по большому счету, создание теории этнолингвистической контактологии туранского (resp. евразийского) языкового союза. Именно этнолингвистический (resp. этнолингвокультурологической), ибо проблемы ареального изучения языковых союзов органически связаны с ареальной этнологией, археологией, культурной антропологией и при изучении вопросов исторического расселения народов и распространения культур все они должны применяться интегрированно.

Представляется, что одной из насущных задач изучения истории туранского языкового союза следует признать координацию конечных целей ареальных исследований с генетическими, контактологическими и типологическими.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ, ИСТОРИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Современное состояние тюркологической науки позволяет определить принципы интеграции археологических свидетельств, исторических источников, а также установления их взаимосвязей с данными языкового материала. При компаративно-контактологических исследованиях данные археологической науки являются своеобразной путеводной нитью, а потому любой специалист, занимающийся проблемами ранних этапов истории, обязан обратить самое пристальное внимание на свидетельства археологических источников.

Археологические открытия позволяют расширить наши знания о развитии конкретных культур на вновь освоенных праторками территориях, подобно тому, как исследования по так называемых «скифских» или «скифо-сибирских» культур уточнили наши представления об уровне развития культуры кочевников центра Азии. Дальнейшие полевые изыскания и научные исследования археологических артефактов в историко-генетическом аспекте помогут дополнить и конкретизировать сведения, которыми мы располагаем в результате ретроспективного исследования языков народов Центральной Азии и текстов нарративных источников.

Археологические данные также помогут нам представить себе особенности развития каждой подгруппы, входившей в прототюркскую общность, приведших к становлению в известной мере разных культур в таких, в частности, группах тюркских языков, как огузская и огузская.

Можно надеяться, что со временем будут получены новые археологические данные, которые позволят проверить гипотезы, основанные на лингвистической палеонтологии. К счастью, методы археологических исследований ныне настолько усовершенствовались, что получаемые с их помощью новые сведения в сочетании с материалами других наук позволяют с большей степенью уверенности использовать данные о носителях прототюркского языка и их культуры при изучении туранского языкового союза.

Территория Центральной Азии начала осваиваться людьми в эпоху нижнего палеолита. Наиболее древним поселением *Homo sapiens* является верхнепалеолитическая стоянка Малая Сыя, исследованная на берегу реки Белый Июс, которая датируется по радиоуглероду временем 34 тыс. лет тому назад. На основе культуры людей древнекаменного века в Центральной Азии развиваются неолитические культуры V—IV тыс. до н.э. Уже на заключительном этапе каменного века в данный обширный регион по степной

зоне с запада и юго-запада начинают проникать скотоводческие племена. Первыми палеометаллическими культурами были афанасьевская (середина III в. до н.э. — начало II тыс. до н.э.) на востоке и андроновская (XVI—XIV вв. до н.э.) на западе Великой Степи. К середине II тысячелетия до н.э. относится возникновение еще не до конца разгаданного явления — Великого нефритового пути эпохи бронзы, протянувшегося по степному коридору от Китая [до Среднего Поволжья. В конце бронзового века в центре Азии [расцвела карасукская культура (XIII—VIII вв. до н.э.), влияние которой распространялось от Приморья, Японии и Китая на > востоке и до Северного Кавказа и Украины на западе. Исследователи отмечают крайнюю смешанность карасукского населения за счет инфильтрации с юго-востока и сохранения в этом измененном населении старых афанасьевско-андроновских типов, которые, по-видимому; сливались с пришельцами (Киселев, 1951, 116). Ранний железный век в истории народов Центральной Азии ознаменовался сложением к VII в. до н.э. ряда археологических культур, объединяемых в т.н. скифо-сибирскую с культурно-историческую общность — тагарской, майэмирской, уюкской, пазырыкской на востоке, а также тагискенской, уйгаракской, чирикратской, джетыасарской, тасмолинской и др. археологических культур эпохи ранних кочевников на территории современного Казахстана.

Антропологические исследования показывают, что уже в карасукскую эпоху в Центральной Монголии наблюдается интенсивное взаимодействие между монголоидным населением восточных районов и европеоидным населением западных регионов. Археологически контакты между двумя рассовыми типами проявляется в инфильтрации на территорию культуры плиточных могил карасукских культурных артефактов (литых изогнутых ножей, чеканов, кинжалов, наконечников копий, топоров и проч.), распространении на территории центральных районов Монголии «оленных камней» с выбитыми на них стилизованными изображениями оленей в позе летящего галопа с «птичьими мордами» и закинутыми на спину изогнутыми рогами и т.д. Все это свидетельствует о том, что тесные контакты между прототюрками («плиточниками») и индоиранскими племенами (археологически карасукцами, этнически, видимо, динлинами китайских источников) сложились на «собственно карасукском этапе» (XIII—XI вв. до н.э.), а уже на позднем, каменноложском этапе (X—VIII вв. до н.э.) началась экспансия прототюрков на карасукскую территорию. Вторжение западной группы прототюркских племен на карасукские земли привело к постепенной ассимиляции аборигенного индоиранского населения и к значительной трансформации их материальной культуры. Во всяком случае, археологи называют поздний, каменноложский (лугавский по Н.Л.Членовой, бейский по М.Д.Хлобыстиной) этап карасукской культуры атипичным. Следовательно, не будет большой ошибкой, если за отправную точку формирования туранского языкового союза мы примем карасукскую эпоху, точнее - ее поздний

«атипичный» этап, т.е. X—VIII вв. до н.э.

В китайских, ахеменидско-персидских, античных письменных источниках сохранилась крайне лапидарная и отрывочная информация о древних племенах, обитавших на степных просторах Центральной Азии в эпоху раннего железа, таких, скажем, как *ди, жун, ухуань, сяньби, мужун, тоба, цифу, туфа, цзе, цян, фуюй, сушэн, шивэй, гаоцзюй, сюнну, телэ, туцэуэ, жуань-жуань, юэчжи, усунь, динлин, сэ, телэ*, а также *туров, саков, дахов, массагетов, ятиев, аорсов, аримаспов, савроматов, сарматов, исседонов, алан* и т.д. Однако этноязыковая идентификация этих племен, а также локализация их расселения вызывает много споров. Тем не менее, по этим фрагментарным сведениям древних авторов современные исследователи с определенным основанием говорят, например, о вероятной принадлежности *юэчжей* — к тохароязычным (иранским, кушанским), *усуней* — к восточноиранским, либо к тюркским, *диньлинов* — к индоиранским (восточноиранским), либо к огурско-тюркским (см., например, Юхас, 1985), *ухуаней, сяньбийцев, мужунов, тоба* и др. племен группы *дун-ху* (букв. «восточные варвары») — к огурским (протобулгарским), либо монгольским, *сюнну (хунну)* — к тюркоязычным, либо к монголоязычным, а иногда и к индоиранским, енисейско-кетским, *саков, дахов, массагетов* и проч. — к восточноиранским племенам и т.д., и т.п.

Если отвлечься от предпринятых некоторыми авторами явно натянутых и неудачных попыток идентификации обитателей Центральной Азии эпохи раннего железа с енисейскими кетами, монголами и некоторыми другими этносами, то вероятными претендентами остаются пратюркские и индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) этносоциальные организмы. Такое заключение, разумеется, не исключает возможности участия в формировании туранского языкового союза некоторых других древних этносов, но на данном этапе развития социально-гуманитарной науки о них практически ничего не известно. Монгольско-тюркские этноязыковые взаимоотношения, как было уже отмечено, начинаются не раньше XI в. н.э. Поэтому первоочередной задачей контактологического анализа эмпирического материала туранского языкового союза логичнее всего начать с выявления корпуса индоевропейских (индоиранских и восточноиранских) инфильтраций в тюркские языки. Уже после выявления корпуса индоевропейских проникновений можно будет приступить к более подробному анализу материала и заняться процедурой разграничения ранних индоиранских заимствований от более поздних многослойных восточноиранских (усуньских, сакских, массагетских, согдийских, бактрийских, парфянских и проч.), субстратных включений от контактных, перстратных заимствований и т.д. В этой связи необходимо подчеркнуть, что любые заключения о результатах древнейших межъязыковых взаимовлияний возможны только после проведения процедуры всестороннего этимологического анализа каждого языкового факта с привлечением релевантного материала (в т.ч. и

экстралингвистического) в максимально полном объеме, не ограничиваясь при этом рамками двух контактных языков.

В связи с этим нельзя пройти мимо остродискуссионной проблемы взаимоотношений между саками античных (сэ китайских) источников с тюркскими племенами, в их числе – с непосредственными историческими предками казахов.

В рамках сложившегося к VIII или VII в. до н.э. в степной зоне Евразии т.н. «скифо-сибирской историко-культурной области» ранние кочевники Казахстана и сопредельных стран выступают как создатели самобытной «сако-массагетской» цивилизации и посредники в передаче культурных достижений своим соседям. Известные нам по нарративным источникам факты социально-политической истории древних народов Казахстана (Гаркавец, 2005) позволяют выделить четыре этапа:

- 1) VIII/VII—IV вв. до н.э. - время господства в степях сакских племенных конфедераций,
- 2) III—I вв. до н.э. - время крупных миграций племенных союзов и возникновения обширных государств кочевническими династиями;
- 3) I—III вв. н.э. — время максимальной экспансии и последующего распада кочевнических государств;
- д) IV—V вв. — время появления на территории Казахстана новых больших групп кочевников и возрастающего давления их на сопредельные оседло-земледельческие государства.

Судя по свидетельству античных (Геродот) и персидских источников, на протяжении первого периода в степях Казахстана господствовали сако-массагетские племена - саки-хаумаварга, саки-тиграхауда («острошапочные») и саки-парадарая («заречные»). Установить места их обитания по фрагментарным древнеперсидским источникам затруднительно. В то же время китайские династические хроники сообщают, что вплоть до II в. до н.э. у северных склонов Тянь-Шаня и в Семиречье обитали племена сэ, название которых является китайской иероглифической транскрипцией иранского этнонима *сак*.

Таким образом, выясняется, что занятая сако-массагетскими племенами территория простиралась от Сырдарьи на западе до Семиречья и Джунгарии на востоке. Физический облик саков, установленный по материалам из погребений, был европеоидным, памиро-ферганского типа, а язык, по единодушному мнению специалистов, принадлежал к восточной группе иранской семьи. На протяжении V—III вв. до н.э. в Саяно-Алтайском регионе и Джунгарии господствующей силой были объединения юэчжей (либо тохаров, либо массагетов) и усуней (либо индоиранцев, либо восточных иранцев), имеющих культуру восточноскифского (сакского) типа.

Но в конце III в. до н.э. в Восточной Монголии складывается мощное объединение сюннуских (хуннских) племен во главе с правителями —

шаньюями. В течение II в. до н.э. они становятся гегемонами в степях между Хинганом и Тянь-Шанем. Видимо, будет правильным, если принять термин *сюнну* (хунны) как политоним, за которым скрывается ряд разноразличных племен, среди которых господствующее положение занимали тюркоязычные огуры. К ним же относились племена группы дунху — ухуани (огуры), сяньби (сабиры), тоба (табгачи), мужуны и др.

На рубеже I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. в степях Казахстана все более ощутимыми становятся сюннуские импульсы. Совокупность имеющихся источников позволяет связывать с ранними сюнну Южного Казахстана и Киргизии памятники скотоводческого населения предгорий и горных районов в бассейне реки Талас, долинах Чаткала и Кетмен-Тюбе. Здесь располагаются большие курганные могильники первой половины I тыс. н.э., насчитывающие до тысячи насыпей. Их погребальный обряд свидетельствует о скрещивании нескольких аборигенных и пришлых этнокультурных традиций (Смагулов, Павленко, 1998, 148).

В сюннуской державе переплавлялись многие древние племена Центральной Азии, среди которых преобладали тюркоязычные и ираноязычные этносоциальные группировки.

В середине I в. н.э. сюнну окончательно распались на южные и северные: первые оказались в зависимости от империи Хань и вскоре растворились среди китайцев; вторые переместились в Западную Монголию и Восточный Туркестан, но в 50-х годах II в. н.э. были окончательно разбиты возвысившимися к этому времени сяньбийцами и ушли на запад, в пределы современного Казахстана.

С этого времени сюнну выпадают из поля зрения китайских хронистов, их сменяют на исторической арене сяньбийцы (сабиры), которые во II—IV вв. н.э. завоевывают «древние усуньские земли». В V в. н.э. племя жужаней вынуждает переселиться усуней на «Луковые горы», под которыми подразумевается Тянь-Шань и Памир.

История сюнну с 155 года, когда они оторвались от вторгшихся на их территорию сяньбийцев, до 350 года, когда гунны начали упорную борьбу с аланами, неизвестна. Ясно только одно: за 200 лет проживания на территории современного Казахстана они интенсивно контактировали с местными преимущественно восточноиранскими племенами и частью ассимилировали их, частью смешались с ними. Казахстанские археологи пишут о притяньшанском, приаральском и некоторых других объединениях «гуннов» (Смагулов, Павленко, 1998, 142-151), которые, по всей вероятности, продолжали существовать на территории Казахстана и после ухода части гуннов в степи Юго-Восточной Европы, пока окончательно не растворились в среде древнетюркских племен. Во всяком случае, имеются основания утверждать, что первая волна тюркизации степей Евразии прокатилась через территорию Казахстана в первой половине I тыс. н.э.

Перед исследователями истории формирования туранского языкового

союза стоит задача первостепенной важности - изучить последовательность изменений этнолингвистического ландшафта аридной полосы Евразии и смежных регионов, определить последовательность изменений исторически контактировавших в данном регионе индоевропейских, тюркских, монгольских и др. языков в сторону их уподобления, обобщения характеристик и правил и т.д., воспроизводящих в идеале реальную хронологическую последовательность изменения языков в ходе их взаимных контактов, установить направление, роль, место и объем межъязыковых интерференций и конвергенций в окончательном формировании туранского языкового союза и т.д. При исследовании интерферентных явлений познаются изменения временные, обратимые, а при изучении конвергентных фактов — изменения, ставшие уже окончательными, качественными.

В этой связи уместно напомнить о походе мятежного сюннуского шаньюя Чжичжы на земли Кангюя. Здесь он даже вступает в брачные отношения с правящим домом Кангюя, но затем, по своему вероломству, разрывает их и возводит город на реке Дулай (Талас). Союз с сюнну понадобился правителям Кангюя прежде всего для борьбы с усунями (Таскин, 1973, 124 и след.). В начале нашей эры Кангюй занимал обширную территорию от Таласа до среднего и нижнего течения Сырдарьи, основным центром страны был район Отрара, но уже в середине V в. Кангюй распался на несколько самостоятельных владений и упоминается как совсем небольшое княжество.

Термин *кангюй*, скорее всего, является политонимом, чем этнонимом. Население Кангюя относится к кругу присырдарьинских сакских племен. Уже в I в. н.э. сюнну в своем поступательном движении на запад оказались в районах заселения племен Кангюйского объединения. Роль сюнну для истории Казахстана и средней Азии, на наш взгляд, наиболее удачно сформулирована А.М.Мандельштамом: «Во II—IV вв. н.э. в какой-то области, лежащей сравнительно недалеко от Таласа, средней и нижней Сырдарьи, вполне вероятно, могла обитать какая-то довольно значительная группа сюнну, оказывающих определенное влияние на своих соседей» (Мандельштам, 1975, 236).

Не позднее конца III в. определенная часть сюнну из Семиречья переселяется по Сырдарье ближе к Аралу. В первой половине IV в. в античные источники попадают сведения о приаральских гуннах — кидаритах, хионитах и эфталитах (белых гуннах). По утверждению казахстанских археологов, именно в Приаралье в результате скрещивания пришлых сюнну с местными ираноязычными племенами «образуется ядро того могущественного гуннского объединения, в составе которого были также булгары, савиры, акациры, утригуры и другие племена Приаралья, начинающие в середине IV в. упорную борьбу со своими западными соседями. Археологически можем отождествлять его с памятниками каунчинской культуры... Тут и находились жизненные центры, тогда как простиравшиеся на север бескрайние степи использовались в качестве летних пастбищ» (Смагулов, Павленко, 1998, 149).

Нет сомнения в том, что на территории современного Казахстана гунны продолжали жить и в V в. н.э. По свидетельствам китайских, византийских, армянских и др. источников известно, что в это время на сельскохозяйственные области Средней Азии, Ирана, а затем и Индии значительно усиливается давление воинственных кочевников с севера. В связи с этим постоянно упоминается имя гуннов, за которым стоят, видимо, разные, но родственные этносоциальные организмы - гунны-кидариты (у Приска Панийского), гунны-хиониты, гунны-эфталиты (у Прокопия Кесарийского), «хуна» индийских источников и др. (подробнее см.: Смагулов, Павленко, 1998, 150).

В связи со сказанным на повестку дня тюркологов-компаративистов встает проблема выяснения, с одной стороны, сакских и, шире, восточноиранских, с другой - огузских (протобулгарских) субстратных включений в языках туранского союза.

Во II—III вв. н.э. климат евразийского аридного пояса характеризуется как засушливый: степь выгорает, становится мало пригодной для сколь угодно стационарного обитания и пустеет (Гумилев, 1966, 84-85; 1980, 32-47). Глобальное потепление климата приводит в конечном итоге к коренным изменениям в истории народов Центральной Азии — упадку государственных образований, массовыми миграциям и появлению в III—V вв. новых кочевых племен. Вторжение с востока кочевых племен вызывает глобальные потрясения в оседло-земледельческих районах Центральной Азии и наносит основной, решающий удар по Кангюю, Даваню и др. государствам, ускорив их окончательный распад. Таким образом, мы приходим к заключению, что вызванная аридизацией климата сюннуская экспансия положила предел господству в степях Казахстана ираноязычных народов и открыла эпоху тюркизации всего аридного пояса.

В середине I тыс. н.э. в Центральной Азии завершается формирование древнетюркской этноязыковой среды на основе стандартного тюркского Z-языка. В VI в. возникает древнетюркская государственность. Это событие огромного исторического значения: оно так или иначе отразилось на многих сторонах жизни и истории народов всей степной зоны Евразии и сопредельных территорий.

В 460 году жуань-жуани (жужани) вторглись в Турфан и на Восточный Тянь-Шань. Они переселили жившее там древнетюркское племя *ашина* на Алтай. Вскоре пришельцы подчинили все окрестные племена и сложившийся новый племенной союз стал именоваться *тюрк* (от иран. *туриака* «туранец») или *кёк тюрк*, т.е. «(под)небесные, синие тюрки».

В 534 году древнетюркское племя *ашина* (от Иран. *ахшаина, хот.-сак. *ашииена* 'синий, голубой, зеленый'; вероятно калька тюрк, *кёк тюрк*) возглавил Бумын, унаследовавший от отца титул *ябгу*, т.е. «верховный правитель». Формально он считался вассалом жужаньского кагана и поставлял в его ставку дань железом из алтайских рудников и плавилен. Разработкой рудных месторождений, выплавкой железа, меди и сплавов, изготовлением

металлических орудий труда и высококачественного оружия обитатели Саяно-Алтайского нагорья славились с карасукских времен. По сообщению византийского посла Зимарха, алтайские тюрки в VI в. вели массовую торговлю железной крицей.

В 542 г. тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ. В состав древнетюркского племенного союза (огуз) входили многочисленные родственные племена, относительно названий которых в исторической литературе царит полная неразбериха. Поэтому нелишне приводить здесь некоторые уточнения. Широко используемые историками такие термины, как скажем, *теле*, *гаогюй*, *огуз*, *уйгур* и проч., на проверку оказываются псевдоэтнонимами. На самом деле они являются простыми апеллятивами со значением «некое сообщество людей», т.е. род, племя, союз племен и т.п., и употреблялись без какой-либо этнической привязки и социальной стратификации. Так, например, *теле* китайских источников является иероглифической транскрипцией древнетюркского слова *тегрег* «круг» (но не «телега»!), т.е. просто «круг людей» (соответствует чуваш, *тавра* «округа», откуда *тавраш* - притяжательная форма 3-го лица, употребляется в значении «круг родственников», «род», «клан»). Позаимствованный из тех же китайских источников *гаогюй*, который обычно переводится как «высокие телеги», судя по всему, является калькированным переводом на китайский язык того же древнетюркского слова *тегрег* «круг», употреблявшегося в переносном значении «род, племя».

Собственно тюркское *огуз* (форма собирательной множественности на -уз от общетюркского *ок* 'стрела', а также 'часть, доля', 'клан', ср. он *ок*, букв, 'десятиклановый род) первоначально служило обозначением выделившегося из рода (племени) самостоятельного подразделения - филы, фратрии, клана, т.е. некоторого относительно самостоятельного социального организма, продолжающего поддерживать определенные отношения с материнским родом (племенем). Числовые атрибуты, часто встречающиеся при термине *огуз* (ср. *серкиз огуз*, *токуз огуз*, *он огуз* и проч.) первоначально действительно означали количество фил, но со временем превратились в эпитеты, призванные подчеркивать многоклановость, а следовательно, древность и могущество племени (Кононов, 1958, 82 - 84; Максуди, 2002, 314-320; Махпиров, 1997, 97-99). Термин *уйгур* в древнетюркскую эпоху означал, скорее всего, понятие «объединение, соединение», т.е. «родовой союз», «союз племен» (Радлов, 1893, 1-130; Махпиров, 1997, 100—101; Каржаубай, 2002, 3) и т.д. Приведенные примеры, число которых можно продолжить, наглядно демонстрируют, что перед современной тюркологией стоит задача огромной важности - историко-этимологическая верификация древнетюркского этнонимикона. Только после тщательного и всестороннего анализа всего корпуса древнетюркских этнонимов можно будет приступить к детальной разработке истории отдельных родов, племен и племенных союзов. Но это — дело будущего, а пока наиболее корректным техническим приемом

представляется использование «нейтрального» собирательного этнополитонима *тюркют* применительно ко всем древнетюркским племенам, говорившим на Z-языке стандартного типа.

Итак, *тюркюты* регулярно восставали против жуаньжуаней и каждый раз терпели неудачу. В 542 году жуаньжуанями был подавлен очередной мятеж и предводитель восстания вынужден был бежать в столицу Восточной Вэй, где он был обласкан и обнадежен. Правитель Западной Вэй Юйвэнь Тай давно искал союзника для умирения враждебной Восточной Вэй. Кстати, он происходил из племени сяньби и был прекрасно осведомлен в политических событиях, бурлящих в это время среди северных кочевых народов. Юйвэнь Тай решил воспользоваться возвышением тюркютов и снарядил к их правителю посольство во главе с согдийцем. В 545 году посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство древних тюрков получило признание одной из крупнейших держав того времени и обрело международный статус (Кляшторный, 2006, 437—445). В следующем году состоялось ответное посольство в Чанъань и военный союз между тюркютами и Западной Вэй состоялся. Обезопасив южные рубежи, Бумын начал присоединение северных племен, а в 551 году окончательно разбил государство жуаньжуаней. В том же году Бумын был поднят на белой кошке и провозглашен каганом Тюркского Эля. Начался отсчет дней новой империи Великой Степи (Кляшторный, 2006, 441—442). После смерти Бумына в 552 году бразды правления тюркским каганатом перешли в руки его брата Истеми-кагана, и он начал завоевательный поход на запад, на территорию современного Казахстана, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Баумына — Муган-каган и затем Таспар-каган — утвердили господство тюркютов в Монголии и Южной Сибири. Северокитайские государства — Восточная Вэй и Западная Вэй — вскоре стали фактическими данниками и вассалами Тюркского каганата. Таким образом, начался второй, заключительный этап тюркизации всей степной зоны Евразии и сопредельных территорий. На востоке по Великой стене тюркюты граничили с Китаем, на западе уже к 576 году дошли до границ Византии на Боспоре, на севере заняли все Саяно-Алтайское нагорье и Тувинскую котловину, на юге проникли в Семиречье, дошли до Амударьи и вступили в соперничество с Ираном.

В связи с возникновением тюркютской империи в столь широких пределах изменилась социальная структура древнетюркского общества, сложилась наследственная имперская аристократия, обязанная государственной и военной службой, резко изменилось общее состояние культуры древних тюрков. Выйдя из относительной изоляции и соприкоснувшись с цивилизациями Средней Азии, Ирана, Византии, тюркюты в исторический короткий срок сформировали новый тип культуры. Специалисты полагают, что в Первом Тюркском каганате языком культуры стал согдийский, своего рода латынь Центральной Азии. В этой связи перед тюркологами стоит задача выявления корпуса согдийских инфильтраций в

древнетюркский язык, уточнения их объема и характера и т.д.

Можно утверждать, что в результате культурного прорыва в конце VI в. в Центральной Азии началось формирование древнетюркской цивилизации, и новую направленность приобрели этногенетические и языковые процессы. Начиная с VI в. слово «*тюрк*» в представлении контактных народов стало обозначением огромной общности степных народов, мало различимых и по языку, и по материальной и духовной культуре, произошло смещение основных центров этно-глотто- культуорогенеза с центра Азии а запад и т.д. Древние тюрки, расселяясь после распада Тюркского, Тюргешского и впоследствии Уйгурского каганатов на территории Южной Сибири, Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии, Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и т.д., влились в сложные процессы формирования средневековых и новых тюркоязычных народов. Возникший в середине VI в. в Монголии Тюркский каганат, после своего распада дал начало Западно-тюркскому каганату, раскинувшемуся на землях Джунгарии, Семиречья, Казахстана и степной зоны Средней Азии. Обитавшие здесь с незапамятных времен ираноязычные племена восприняли древнетюркский язык и, выражаясь фигурально, «перекрасились в тюрков», внося при этом в формирующиеся новые тюркоязычные этносы многие элементы своей традиционной культуры. Обитавшие на территории современного Казахстана усуни, юэчжи, саки, массагеты, дахи, сарматы, туры и проч., и проч. никуда не делись, они просто влились в состав пришедших на их земли тюркских племен и сами стали тюрками, карлуками, огузами, кыпчаками, а затем киргизами, казахами, каракалпаками, башкирами, узбеками, ногайцами, карачаевцами, балкарцами и проч.

Главной бедой наших этноглоттогенетических исследований является то, что мы, сами того не замечая, пытаемся загнать сложнейшие многоплановые и многоаспектные процессы формирования этносов, языков и культур в простейшие и прямолинейные схемы типа: «один народ — один язык, одна культура, один исторический предок». Так, например, в языкознании до сих пор главенствует идея, что группа родственных языков возникает путем постепенного дробления первоначального единого языка. На самом деле этнос — это многокомпонентный феномен и в нем выделяются, по крайней мере, три основных начала: биологическое, лингвистическое и культурное. Все три компонента могут неоднократно меняться на протяжении истории каждого народа. История знает немало случаев, когда один народ на протяжении жизни нескольких поколений трансформируется в другой, существенно не меняя при этом традиционной культуры и генофонда. В результате смешения народов может изменяться генофонд, но при этом язык и культура могут сохраниться. За последние несколько десятилетий генофонд, скажем, Москвы изменился неузнаваемо, а русский язык сохраняется. Культура, особенно материальная, может меняться на разы быстрее (вспомним, например, практически ежегодное изменение моды в наше время)

и т.д.

Поэтому при изучении межэтнических и межъязыковых взаимосвязей следует обратить особое внимание на всевозможные результаты разного рода контактов и взаимовлияний, а также на различные диахронические этнолингвокультурные наслоения в рамках одного этноса и в пределах изучаемой территории. Практически все когда-либо обитавшие на территории современного Казахстана древние и не очень этносы в той или иной степени внесли свой вклад в формирование самобытной национальной культуры казахов. Если целенаправленно углубляться в историю культуры казахского народа, пытливым исследователем непременно найдет в ней следы и персидских, и монгольских, и кангаро-печенежских, и огузских, и карлукских, и тюркютских, и канглыйских, и сакских, и массагетских, и усуньских, и андроновских, и еще более древних напластований. То же самое необходимо сказать и относительно языка, но только наиболее древние его страты связаны с территорией формирования праязыка, т.е. отражают языковую ситуацию общетюркской прародины.

Особую трудность представляет, из-за их внешней, формальной близости, выявление разновременных тюркизмов казахского языка. Так, например, во второй половине VIII в. в Юго-Восточном Казахстане появились карлуки и вскоре вошли в состав государства Караханидов; в конце VIII в. на территорию Казахстана проникают огузы, во второй половине IX в. здесь обосновываются кангаро-печенежские группы. Этноязыковую ситуацию в регионе того периода в известной мере отражает перечень тюркоязычных народов, содержащийся в «Диване» Махмуда Кашгари: *бедженек, кыфчак, огуз, блигирин, татар, кыргыз, уйгур, йемек, басмыл, каи, йабаку, чигиль, тухси, ягма, играк, джумул* и проч.

Засуха X в. приводит к гибели последнего девнетюркского каганата — Уйгурского (Токуз-Огузского). В XI в. в Восточный и Юго-Восточный Казахстан и далее на юг проникают кидани, а затем здесь последовательно сменяют друг друга государственные образования огузов, караханидов, кимеков, кыпчаков. В XI в. кыпчаки становятся политическими лидерами на обширной территории Казахстана и южнорусских степей. Именно кыпчаки (половцы, куманы) положили основу формирования целого ряда современных народов — киргизов, казахов, каракалпаков, узбеков, башкир, ногайцев, карачаевцев, балкарцев, кумыков, татар и др.

В эпоху монгольской экспансии в XIII—XIV вв. в основном на территории Казахстана сложились улусы Джучи, Угэдея и Чагатай, давшие несколько позднее начало Ак-Орде и Моголистану, на основе которых в XV в. сформировалось Казахское ханство и началось сближение многочисленных родоплеменных организмов в рамках нового государственного образования. В средневековый период сложились социальные и экономические условия для объединения значительных масс людей, живущих на большой территории и на смену диалектному разнообразию в степях Казахстана приходит общий язык,

устанавливается общий для всего народа этноним *казах*.

Уже из этого краткого и крайне схематического начертания многовековой этноязыковой истории Казахстана ясно, что данная территория является регионом множественных языковых контактов: здесь на протяжении веков образовались постоянные языковые водовороты, и самые различные языковые волны сталкивались со встречными лингвистическими течениями. Генетическое и структурное разнообразие внешних влияний в различном этническом, социальном и культурном окружении выдвигает казахский язык как чрезвычайно интересный объект для изучения внешних влияний, а Казахстан представляет как центр притяжения центростремительных сил, сплачивающих многие языки Центральной Азии в единый туранский языковой союз. Эмпирический материал казахского языка, благодаря многочисленным историческим включениям из иносистемных языков предоставляет исследователям благоприятные условия для реконструкции структурных, социокультурных и проч. ситуаций прошлого. Полученные на основе контактологического анализа казахского языка теоретические представления и практические процедуры можно затем использовать при решении проблем диахронической структурной лингвистики в целом и применительно к отдельным языкам и языковым союзам.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПАРАТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Сравнительно-исторический метод применительно тюркским (resp. алтайским) и к другим исторически контактировавшим с ними иносистемным (индоиранским, сино-тибетским, уральским, палеоазиатским и др.) языкам, между которыми обнаружена определенная материальная и типологическая общность, служит техническим приемом для установления конкретных причин, вызвавших ее возникновение и эволюцию. В случае определенной исторически обусловленной материальной и типологической близости разносистемных языков Центральной Азии речь идет не о типологии вообще, могущей сближать любые языки мира, в том числе распространенные в любых, даже наиболее отдаленных друг от друга районах земного шара. Подобное типологическое сходство обычно принято называть общей или дистантной типологией. Относительно языков Центральной Азии речь может и должна идти об ареальной типологии, задачей которого является изучение приобретенных, гомологических по своей природе, материальных, смысловых и функциональных сходств родственных и неродственных языков, входящих в один историко-географический ареал и имеющих благодаря смежному существованию длительные и интенсивные исторические взаимосвязи.

В виду того, что уже прототюркский язык в известной степени подвергался влияниям со стороны смежных индоиранских, восточноиранских, палеоазиатских и прочих языков (Дыбо, 2007), изучение ранних иноязычных интерференций в пратюркском является необходимой составной частью сравнительно-исторического изучения тюркских и, шире, алтайских языков, составляющих основу туранского языкового союза.

Без выявления корпуса диахронических и диатопических материальных, прежде всего лексических и морфологических, а также семантических (модельных) напластований в каждой классификационной группе «алтайских» языков по отдельности, в своих сравнительно-исторических штудиях алтаисты поневоле будут оперировать несравнимым материалом, недостаточно корректным для вполне достоверной реконструкции исходного состояния «праалтайского» и каждой из групп алтайских языков.

Только сняв с реконструированных пратюркских, прамонгольских и пратунгусо-маньчжурских идиомов то, что в них в форме, значении, функции возникло вследствие внешнего воздействия, можно прийти к полностью «чистым» праязыковым элементам в каждом из алтайских языков. Это же, в свою очередь, если позволит эмпирический материал, даст возможность путем сравнения соответствующих форм, значений и функций во всех алтайских

языках восстановить с наибольшим вероятием исходные протоалтайские элементы, но уже на ином, чем в ортодоксальной алтаистике, материале и на другом, более глубоком, диахроническом уровне.

Сравнительно-исторический метод дал, несомненно, много для установления материально общих элементов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, индоиранских и др. языков Центральной Азии по отдельности (Doerfer, 1963-1972, I—IV) и тем самым выявления их материальной и структурной специфики, а также установления генетических взаимоотношений между ними. Значительно меньше сделано для установления черт различия тюркских монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и объяснения того, как они возникли. Если исключить лексические слои сравнительно легко распознаваемых относительно поздних словарных заимствований, взаимозаимствований и перезаимствований в отдельных классификационных группах так называемых алтайских языков (тюркизмы в монгольских, монголизмы в тюркских и тунгусо-маньчжурских, общие заимствования из иносистемных языков и т.д.), где уже многое, — хотя далеко не все, — выяснено (Владимирцов, 1911, 153 — 184; 2005, 31 — 58; Калужинский, 1968, 5 — 21; Рассадин, 1980; Рона-Таш, 1974, 31—45; 1987, 6 — 16; Санжеев, 1973, 73 — 78; Сарыбаев, 1960, 34—71; 2000, 141 — 175; Суюнчев, 1977; Сыдыков, 1983; Татаринцев, 1976; 1993, 114-130:43; 83-95; Туймебаев, 2004, 2005, 2006, 2008; Щербак, 1959, 51-63; 1966, 21-35; 1986, 47-59; 1997, 2005; Bang, 1932, 90-104; Clauson, 1959, 174-187; 1960, 301-316; 1962; 1972; Doerfer, 1963; 1985; Gombocz, 1905, 241-284; 1912-1913, 1-37; Kotwicz, 1953; Ligeti, 1977, 1979; Poppe, 1955, 36—42; 1962, 331 — 340; 1972, 95 — 103; Röna-Tas, 1970; 1975, 201-211; 1982, 66-134; 1986 и др.), то в подавляющей своей массе происхождение дифференциальных элементов алтайских языков на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, дискурсном) изучено чрезвычайно мало. Это объясняется тем, что помимо материальных заимствований из известных языков, — также не всегда объясненных достаточно убедительно, — в алтайских языках имеется, по-видимому, значительное число материальных, в том числе лексических, морфологических и прочих, заимствований из неидентифицированных (как правило, субстратных, в частности, индоиранских, восточноиранских, палеоазиатских, сино-тибетских и проч.) языков. Сложность их обнаружения усугубляется, кроме трудности лингвистической атрибуции (по отношению к языкам, о которых пока почти ничего неизвестно), значительной степенью адаптированности подобных элементов системой языка-реципиента (например, индоиранских заимствований XIII—VIII вв. до н.э., восточноиранских заимствований I тысячелетия н.э. тюркской языковой системой).

При компаративном изучении важно учитывать и то, что дифференциальное в системе отдельных тюркских языков (по отношению друг к другу и к прототюркскому языку) не ограничивается материальными

заимствованиями, разными для разных языковых групп - огузских, карлукских, кыпчакских, болгарских, хонгорайских (хакасского, шорского, чулымско-тюркского, сарыг-югурского), соёнских (тувинского, тофаларского), урянхайских (якутского, долганского) — и конкретных языков. Сюда относятся частично и общие элементы, унаследованные из пратюркского (и прототюркского) языка. Здесь уместно отметить, что прототюркским мы называем то состояние праязыка, которое предшествовало выделению самостоятельного огузского (прабулгарского) языка, а пратюркским — общий для стандартных тюркских (тюркютских) Z-языков (за исключением болгарских R-языков) праязык до начала его распада на групповые (огузский, карлукский, кыпчакский и проч.) праязыки.

Вопреки широко распространенной ортодоксальной алтайской гипотезе о предположительном изначальном генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также, с определенными оговорками, корейского и японского языков (см. последние работы в духе традиционной алтаистики: Старостин, 1991; Starostin, Dybo, Mudrak, 2003 и др.), современные сравнительно-исторические исследования свидетельствуют о существовании в южной половине *Циркумбайкальского региона* с доисторических времен самостоятельной этноязыковой общности с некоторым неизвестным дотюркским субстратом (см., например, СИГТЯ, 2002, 2006; Дыбо, 2007; Норманская, 2008, 119 — 154), не связанной генетическими узами с прамонгольским и тунгусо-маньчжурским языками. Прототюркская этноязыковая общность обычно связывается с археологической культурой плиточных могил (XIII—VI вв. до н.э.).

В эпоху бронзы в степях Центральной Азии появляются кочевые племена европеоидного антропологического облика, оставившие афанасьевскую (XXV—XVIII вв. до н.э.) и андроновскую (XX—XV вв. до н.э.) археологические культуры. Специалисты полагают, что афанасьевцы и андроновцы говорили на индоевропейском, точнее — на индоиранском языке.

Археологические исследования неолитических культур южной половины *Циркумбайкальского региона*, на базе которых впоследствии развивается культура плиточных могил, дают определенные материальные свидетельства о проникновении некоторых характерных для афанасьевской и андроновской культур артефактов на север Монголии. А это, в свою очередь, ставит перед компаративистами задачу поисков наиболее ранних индоевропейских заимствований в прототюркском языке.

В эпоху поздней бронзы в центральных районах Монголии вступают в активное взаимодействие две археологические культуры — карасукская (XV—VIII вв. до н.э.) и культура плиточных могил (XIII—VI вв. до н.э.). Археологи утверждают, что карасукцы говорили на архаическом языке индоиранского типа. В карасукскую эпоху в хозяйственно-экономической жизни неолитических племен *Циркумбайкальского региона* происходят революционные изменения — на смену экстенсивного, присваивающего

хозяйственного уклада приходит экстенсивное, производящее скотоводческое хозяйство. Именно под интенсивным влиянием карасукской культуры в центральных и восточных районах Монголии развивается сначала бронзовая, а затем и черная металлургия, распространяются скотоводство, колесный транспорт, верховая езда и т.д. Благодаря коренному изменению всего хозяйственно-экономического уклада неолитические культуры Циркумбайкальского региона перерастают в культуру плиточных могил, которая быстро распространяется на огромные территории Восточной Монголии от Забайкалья на севере и до Ордоса на юге. К концу карасукской эпохи прототюрки становятся классическими номадами. Переход от присваивающего охотничьего хозяйственного уклада к производящему скотоводческому неминуемо приводит к демографическому взрыву, под давлением которого прототюрки начинают осваивать все новые и новые территории и с этого времени становятся гегемонами в Великой Степи.

В этой связи перед тюркской компаративистикой встает задача выявления индоиранских заимствований карасукской эпохи. Уже сейчас можно определенно сказать, что из языка карасукцев в прототюркский проникли названия основных домашних животных (тюрк, *ат* 'конь', *окуз* 'вол', *инек* 'корова', *тай* 'жеребенок', *катыр* 'мул' и т.д.), терминология цветной и черной металлургии (*йес* 'латунь, бронза', *бакряр* 'медь', *темир* 'железо' и т.д.) и металлообработки (*курыч* 'сталь', 'острый', *болта* 'топор', *қылыч* 'мечь' и т.д.).

Начиная с эпохи возвышения прототюрков в степях Монголии начинается обратный процесс ассимиляции индоиранского (карасукского) субстрата. В результате наложения на индоиранский субстрат стандартного тюркского Z-языка огузского типа на западе Монголии возникает тюркский R-язык огузского (булгаро-чувашского типа). В индоиранском, как и в индоевропейском, в середине и конце слов не было звонкого з, поэтому карасукцы вместо стандартного тюркского щелевого з в данных позициях начинают произносить близкий по месту образования дрожащий р. Таким образом, произошел первичный распад прототюркского языка. Филиация огузской (прабулгарской) ветви, по всей вероятности, произошло примерно до VIII—VII вв. до н.э., так как в VIII в. до н.э. карасукская культура прекратила свое существование.

В этой связи перед тюркской компаративистикой встает задача разграничения древнейших индоиранских заимствований от более поздних субстратных включений индоиранского, тохарского и восточноиранского (сакского, усуньского, согдийского, кангюйского и проч.) происхождения (о доисторических связях между прототюрками и индоевропейцами см.: Корперс, 1935, 1—31; 1941, 481—525; Schrader, 1929, II; Nehring, 1935, IV, 9-229; Hauer, 1939, 1-63; Егоров, 1992; 2007, 1921-1944; 2009, 1, 29-33; Егоров Н.И., Егоров Э.Н., 2001, 183-204; 2002, 140-154; Yegorov, 2007, 233 -234).

В более поздние эпохи на огузский субстрат начинает накладываться стандартный тюркский суперстат. Процесс этот начался, видимо, в

постхуннскую эпоху, но до распада пратюркского языка на групповые праязыки. В пользу такой относительной хронологизации свидетельствует параллельное бытование наравне со стандартными «зетацированными» и «сигмацированными» формами их ротацированных и ламбдацированных соответствий в большинстве тюркских языков, начиная с самых ранних известных памятников.

При изучении истории формирования и эволюции туранского языкового союза возникает краеугольная задача установления реальных взаимоотношений между тюркскими и монгольскими языками. В свете последних фундаментальных исследований Ж.К.Туймебаева по данной проблематике (Туймебаев, 2004; 2005; 2006; 2008 и др.) вопрос о возможном родстве этих двух языков (вернее, языковых семей) на алтайском уровне представляет уже скорее гносеологический, чем онтологический интерес. В настоящее время изучение природы тюркско-монгольских материальных схождений должно быть перенесено на конвергентно-контакционную плоскость и усилия специалистов должны быть направлены на выяснение объема диахронотопологических тюркских (огурских, древнеуйгурских и проч.) заимствований в каждом из монгольских, и наоборот, монгольских — в каждом из тюркских языков. Одновременно с этим следует заняться выяснением характера (субстратное, адстратное, суперстратное, интерстратное, перстратное и проч.) заимствований, взаимозаимствований и перезаимствований, установлением их хронологических и ареально-географических параметров и т.д.

Вопреки сложившейся в исторической и лингвистической литературе традиции, до XI в. н.э. никаких монголов в степях Внутренней (Срединной) Азии не было. Монгольские племена входят в степи Центральной Азии довольно поздно, только после относительно кратковременной аридизации климата в X в. н.э. До этого в степях Монголии господствовали древнетюркские племена, создавшие последовательно сменявшие друг друга Первый и Второй Тюркские, Тюркешский, Карлукский, Уйгурский и др. каганаты. В период аридизации климата степи современной Монголии опустели. В XI в. н.э. сюда стали проникать монгольские племена, до этого обитавшие за Большим Хинганом в среднем течении Амура. В Восточной Монголии, на западных отрогах Большого Хингана, в бассейне Аргуни, Керулена и Онона древнемонгольские племена наслоились на огурский (протобулгарский) субстрат и полностью его ассимилировали.

Проведенные новосибирскими фонологами инструментальные исследования артикуляторных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, дали основание предположить, что *монголы центральных аймаков МНР — тюрки по происхождению*: артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов — преобразованная (не ранее XI в.) артикуляционно-акустическая база древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени

мышечного напряжения речевого аппарата: сильные / слабые / сверхслабые (Наделяев, 1981, 15; Селютина, Уртегешев, Рыжикова, 2005, 9, 19).

Вместе с тем, последние сравнительно-исторические исследования «алтайских» языков показали, что в словарном фонде монгольских языков содержится огромное число разновременных тюркских лексических заимствований (Щербак, 1997; 2005), причем было установлено, что наиболее ранний пласт тюркизмов всех монгольских языков содержит отчетливо выраженные фонетические, морфологические и семантические особенности, характерные для болгаро-чувакской группы. Так, например, по предварительным подсчетам венгерского тюрколога-компаративиста, в монгольском таких тюркизмов насчитывается более 1500 единиц, из которых 96 слов — с ротацизмом и 98 слов — с ламбдацизмом (Röna-Tas, 1981, 126).

Если объединить результаты исследований новосибирских фонологов и венгерских, российских, казахских и других лексикологов, неизбежно приходим к интересному заключению: известный нам по письменным памятникам XII—XIV вв. среднемонгольский язык сформировался в XI—XII вв. н.э. в результате наложения некоего неизвестного нам прамонгольского языка на огузско-тюркский, т.е. прабулгарский субстрат (об этом подробнее см. Туймебаев, 2008). Этот чрезвычайно важный вывод не оставляет никакого сомнения в том, что постулированное ортодоксальной алтайской гипотезой родство тюркских и монгольских языков является не генетическим, а приобретенным в результате ассимиляции огузско-тюркского субстратного языка не ранее XI в. н.э., т.е. только накануне выхода монголов на широкую историческую арену во времена Чингисхана.

Эти и многие другие революционные по своим дальнейшим последствиям открытия тюркологов-компаративистов, совершенные в последние несколько десятилетий, в последний раз доказывают результативность и перспективность старого испытанного сравнительно-исторического метода применительно к языкам Центральной Азии и к изучению истории формирования туранского языкового союза.

Основной предпосылкой дальнейшего развития комплексного изучения туранского языкового союза помимо углубления результатов традиционных методов анализа репрезентативного фактологического материала, является выявление еще существующих в востоковедческих лингвистических исследованиях белых пятен с их последующим устранением. Одно из двух главных направлений этих поисков заключается в открытии и введении в широкий научный оборот нового эмпирического материала — неизученных, живых и мертвых, языков и диалектов, а также доселе неисследованных областей в языках, ставших уже предметом научного анализа.

Другое направление предполагает обнаружение новых методов лингвистического анализа, способных расширить наше представление о языках, в том числе и с достаточно глубокой традицией изучения.

Оба эти направления взаимосвязаны, и если новый языковой материал

вызывает часто необходимость обратиться к новым методам анализа, то инновационные методы исследования, в свою очередь, нередко помогают обнаружить новые языковые и, шире, исторические этнолингвокультурные факты.

Комплексное изучение проблемы возникновения, исторической эволюции и функционирования туранского языкового союза предполагает глубокий и разносторонний анализ сложных этноязыковых процессов на стыке типологии, ареальной лингвистики, этно- и социолингвистики, этнокультурной истории и др. дисциплин социально-гуманитарного профиля. А это требует интеграции творческого потенциала и усилий не только лингвистов, но и специалистов по самым разным направлениям исторических наук — археологов, этнологов, фольклористов, антропологов, культурологов и проч.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНОГО (КОМПАРАТИВНО- КОНТРАСТИВНО-АРЕАЛЬНО-КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОГО) ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Прошедший XX век подытожил результаты настойчивых сравнительно-исторических исследований в классических руководствах, направленных на обнаружение разнообразных материальных и формальных особенностей тех праязыков, к которым восходят генетически сродные члены индоевропейской, финно-угорской (шире — уральской), тюркской (шире — алтайской) и проч. языковых семей.

В первой половине XX в. тюркское языкознание в целом было занято решением сугубо практических задач — созданием алфавитов и реформами письменности, составлением дидактических и академических грамматик и словарей, разработкой норм младописьменных языков. Прагматическая нацеленность тюркского языкознания в целом способствовала перманентному развитию методов строго дескриптивного подхода к отдельным тюркским языкам на данном этапе их развития безотносительно к вопросам исторического сравнения и иными диахроническими этапами и с родственными языками. Только во второй половине XX в., после восстановления в правах попорченного сравнительно-исторического языкознания, в бывшем Советском Союзе участились опыты приложения выработанных компаративной индоевропеистикой технических приемов, методов и навыков к тюркским и другим языковым семьям.

Дескриптивное языкознание выдвинуло основополагающие вопросы языковой системы и ее закономерной структуры и, в частности, положило начало планомерному изучению взаимоотношений материальной формы (сигнификата) и значения (денотата), а развертывание компаративных изысканий применительно к вопросам об исторических предках и родственных узлах различных генуинных семей и гетерогенных общностей (союзов) углубляло и обогащало проблематику диахронических реконструкций.

Сравнительно-исторические исследования постепенно начинают выходить из узко лингвистических рамок и перерастают в широкомасштабные историко-культурные исследования, интегрирующие данные истории, археологии, этнологии, культурной и физической антропологии, социологии, психологии, палеоботаники, палеозоологии, палеоклиматологии, палинологии и т.д., а добытые диахронической лингвистикой результаты получают широкий общезначимый интерес.

В конце XX века оба эти круга — синхронных дескриптивных и диахронических компаративных — разысканий неизбежно привели к проверке и критическому пересмотру унаследованной от сравнительно-исторической индоевропеистики методологии. Возникает процесс интеграции между ориентированной на вскрытие системной структуры языка дескриптивной

лингвистикой и расширившей круг своей проблематики до широкомасштабных историко-культурологических (этно-лингво-культурогенетических) изысканий компаративистики. Таким образом, отпадает определенная принудительность ограничения задач сравнительно-исторического языкознания одними лишь формальными генетическими сравнениями, и одновременно вопросы системной структуры языка начинают, наконец, выходить за пределы дескриптивной лингвистики и находят себе результативное приложение к историческому прошлому изучаемых языков и реконструируемых архетипических идиомов. Существенно раздвигаются пределы лингвистического сравнения — к изучению общего наследия языковых семей и общностей присоединяются новые задачи: выяснение природы и характера общности, приобретенной звуковыми и грамматическим строем пространственно смежных языков, вступающих таким образом, в своего рода союзные отношения, т.е. языковых союзов; сопоставительное изучение материальной, смысловой и функциональной общности систем географически близких разнообразных языков безотносительно к вопросу о наличии или отсутствии между ними генетического родства; типологическая классификация этих языков и обоснование формирования их общности и т.д., и т.п.

Последние два-три десятилетия в развитии тюркского языкознания знаменовались возрастанием интереса к проблемам диахронического изучения языков, что было мотивировано как общим ростом интереса к истории отдельных тюркских языков, так и бурным развитием лингвистической мысли в целом. Возрастание интереса к сравнительно-исторической и диахронической лингвистике обуславливает в известной мере необходимость обсуждения возникших в традиционном тюркском (resp. алтайском) компаративном языкознании проблем и к освещению их с применением новых методов языкового описания, разработанных различными направлениями синхронной и диахронической лингвистики, языковой типологии, ареалогии, контактологии и т.д. Интегрирование знаний, накопленных различными направлениями анализа языкового материала, приобретает особое значение в современной лингвистике, ибо оно позволяет изучить историческую динамику многих языковых категорий, характеризующих глубинные структуры языка и определить степени сходства и различия между гнуинными и исторически контактировавшими языковыми системами, выяснить их причины, характер, направление и время диахронических языковых контактов, установить их последствия и т.д.

Современный этап развития сравнительно-исторического языкознания в отличие от предшествующего характеризуется широким использованием приемов и методов пространственной лингвистики в изучении языковых семей и союзов, интенсивной разработкой отдельных разделов сравнительной грамматики на основе приемов внутренней и внешней реконструкции, осмыслением ряда фонетических, фоно-морфологических и морфологических

явлений, интеграцией в исследования комплекса экстралингвистических факторов и т.д. Таким образом, современная компаративистика в целом понимается как общая теория отношений между языками, включая и языковые контакты (Иванов, 1961, 5—28).

Очерченные выше контуры наиболее важных и перспективных направлений комплексного изучения истории тюркских (resp. алтайских) и других языков Центральной Азии говорят о многообразии и сложности проблем, большинство из которых не получило до сих пор удовлетворительного объяснения. Комплексный метод, означающий интеграцию методов компаративного, контрастивно-типологического, контактологического, а также ареального изучения языковых явлений и фактов, применительно к туранскому языковому союзу предполагает обязательное изучение иранских, тюркских, монгольских и ряда других географически смежных контактных языков в их совокупности с тем, чтобы обнаружить в них типологически и материально сходные явления, а также установить конкретные социально-исторические причины, характер, время и место происхождения и распространения этих явлений и, наконец, конкретные языки, из которых они исходили. Такое комплексное исследование языков, требующее одновременного изучения нескольких (не менее двух) языковых семей в их взаимосвязях, при его последовательном применении потребовало бы, чтобы им были охвачены все без исключения исторически контактировавшие языки Евразии, что привело бы и к наиболее результативному исследованию исчезнувших субстратных языков.

Богатейший репрезентативный и эмпирический материал туранского этноязыкового союза, имеющего в Центральной Азии многотысячелетнюю историческую традицию, требует его разносторонней и глубокой ретроспективной интерпретации с самых разных позиций — с современных точек зрения сравнительно-исторического, сопоставительно-типологического, контактологического, ареально-географического и других направлений индоевропейского, тюркского, иранского, монгольского, уральского палеоазиатского, сино-тибетского, славянского и т.д. языкознаний. Только при соединении усилий ряда частных языкознаний, исследовательских направлений и разработанных ими методик можно прийти к наиболее удовлетворительной и объективной научной реконструкции исходных тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского, иранского, сино-тибетского и др. языков Центральной Азии, а также понять исторические причины и пути их конвергенции в туранский языковой союз, а также определить характер и объем вклада каждого языка в общий котел туранского этнолингвокультурного союза.

Поскольку речь идет прежде всего о древнейших этапах взаимодействия языков Центральной Азии, не зафиксированных даже самыми ранними из дошедших до нас письменными памятниками, комплексное диахроническое изучение эмпирического материала туранского языкового союза дает

возможность воссоздания весьма ранних исторических этапов взаимодействия тюркских, монгольских, иранских и др. языков, в отношении которых наука до сих пор не располагает конкретными данными.

На современном этапе развития диахронической лингвистики, когда одними из ведущих направлений являются структурно-типологическое направление и лингвистика универсалий, многое в традиционных построениях компаративистики, основанное на сравнительной внешней и внутренней реконструкции эмпирического материала, требует пересмотра с целью согласования постулируемого пратюркского языка (см. СИГТЯ, 1984-2006) с данными типологической лингвистики. Такой анализ традиционных пратюркских реконструкций, проведенных в духе ортодоксальной алтайской гипотезы, и приведение их в соответствие с типологически вероятными системами требует существенного пересмотра этих реконструкций с учетом показаний огузско-тюркских заимствований в монгольском и внутренних протобулгарских реконструкций.

Комплексный метод анализа языкового материала приобретает особое значение в современной тюркологии и алтаистике, особенно при изучении истории формирования таких языковых союзов, как алтайский, туранский и, шире, евразийский.

Главной задачей отпочковавшейся от описательного языкознания диахронической лингвистики традиционно считается формальная реконструкция структуры праязыка, которая достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому более раннему состоянию при типологической верификации каждого из этих диахронических состояний. Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто то языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языки.

Реконструкция праязыка предполагает восстановление не только отдельных материальных форм их соотношений в парадигмической системе, но и целых последовательностей фонем и их комбинаций, дающих определенные морфемы, слова и синтагмы, которые выражают соответствующее грамматическое, лексическое и более объемное семиотическое значение. При этом необходимо реконструировать не только план выражения языка (сигнификат), но и его план содержания (денотат), т.е. значения отдельных слов, словоформ и синтаксических конструкций по возможности в полном объеме.

Реконструируемая праязыковая модель, отражающая существовавшую некогда прототюркскую систему, предполагает установление хронологических рамок ее существования и преобразования, а также географических параметров ее распространения. Неподвижная, статичная схема пратюркского языка при историческом подходе к проблеме должна быть заменена динамичной в хронологическом смысле языковой системой, имевшей, как и любой

исторически засвидетельствованный язык, свою историю и динамику своего развития в пространстве и во времени.

Рассмотрение прототюркского языка в виде существовавшей в некотором пространственно-временном континууме системы со своей историей, предполагает изучение динамики ее исторической эволюции вплоть до позднего состояния накануне первичного распада на огурский (прабулгарский) и стандартный «огузский» (тюркютский) диалекты и их оформления в качестве самостоятельных языковых единиц.

Такая история исходной прототюркской языковой системы предполагает как внутреннее развитие ее структуры, так и ареальные соотношения с другими системами, выражавшиеся в контактах, аттракциях и интерференциях. В этом отношении можно говорить об иноязычных заимствованиях в прототюркскую (и пратюркскую) языковую систему из других исторически контактировавших языков и из прототюркского в другие языки, находившиеся с ним во взаимодействии.

Поскольку компаративистика оперирует понятием исходной языковой системы (протоязыком, архетипом) как существовавшего в некотором пространственно-временном континууме единства в чем то отличавшихся друг от друга диалектов, то наряду с ее связями с теорией формальных отношений между языками — структурной типологией и теорией языковых универсалий — можно установить определенное сходство диахронической, сравнительно-исторической лингвистики в ее теориях и методах с теорией отношений языка в пространстве — лингвистической географией, ареальной лингвистикой, теорией языковых контактов и т.д.

Вместе с тем, язык как социальное явление и как феномен человеческой культуры тесно связан со всеми другими формами проявления культуры. Поэтому язык как в синхронии, так и в диахронии должен изучаться в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры, исследование которых и составляет предмет современной культурной антропологии.

В этом аспекте наиболее показательной, семиологически и культурологически релевантной является лексический уровень языка. Поэтапная реконструкция исконной, праязыковой лексической системы с достаточной степенью полноты сначала в пределах конкретного языка, затем языковой группы и, наконец, на праязыковом уровне и представленная по семантическим группам дает достаточно полное представление о фрагментах реконструированной на показаниях словаря пратюркской и прототюркской культуры, также позволяет проследить культурно-исторические связи пратюркской лексики с широким кругом языков древней Евразии (см., например, СИГТЯ, 1997; 2006; Дыбо, 2007; Природное..., 2008). Следует подчеркнуть, что при проведении такого рода диахронических исследований лингвокультурологического направления специалист не должен ограничиваться только формальными соответствиями между родственными словами тюркских языков, которые позволяют реконструировать

прототюркский архетип, он обязан всесторонне анализировать и все явления материальной и духовной культуры, которые в отдельных этнических традициях связываются со словами данного корня. Только путем такого интегрированного изучения обозначающего (слова) и обозначаемого, сигнификата и денотата можно добиться адекватной реконструкции культуры общетюркского уровня.

Нет никакого сомнения в том, что каждую из региональных отраслей диахронической тюркологии прежде всего должна интересовать история своего языка, своя культурная антропология. Но при этом нельзя забывать одну банальную, но непреложную истину: все познается в сравнении. Поэтому любое диахроническое направление социально-гуманитарной науки ведет сравнительно-сопоставительные исследования не только в рамках генетически родственных, в данном случае тюркских, языков и народов, стремясь при этом реконструировать исходные исторические архетипы (праязыки, пракультуры), но и рассматривает эти архетипы в типологическом сопоставлении с другими сродственными и даже гетерогенными языковыми и культурными системами, в особенности системами смежных и сопредельных географических ареалов, с которыми данная изучаемая система должна была находиться в определенных контактных отношениях в течение длительного исторического периода.

В соответствии с этим, перед современной диахронической тюркологией стоит задача комплексного сравнительно-исторического изучения фонологического, морфологического, синтаксического и ареально-диалектологического анализа сначала в рамках отдельного (скажем, казахского, карачаево-балкарского, чувашского, якутского) языка, затем в пределах языковой (под)группы (например, канглынской, куманской, общекрыпчакской) и, наконец, реконструкции общетюркского праязыка. При этом на первых этапах работы внимание исследователя должна сосредотачиваться на анализе ключевых вопросов, касающихся специфики отдельных языков и языковых групп и охватывающих широкий круг пертинентных фактов, дающих достаточно полное представление о характере изучаемого языка в его динамическом развитии и типологическом соотношении с другими языковыми системами.

Как и всякая ареальная общность, языковой союз складывается в ходе историко-культурных процессов, а именно, в ходе теснейших этнокультурных и языковых, экономических и социально-политических контактов, в результате интенсивного взаимовлияния культур и языков.

Праязыковая реконструкция является единственным инструментом, позволяющим проникнуть вглубь веков и получить объективную информацию о духовной культуре народов, не оставивших после себя письменных памятников. Следовательно, реконструкция праязыка не является конечной самоцелью современной компаративистики, ее следует воспринимать как определенный промежуточный этап к реконструкции протокультуры того этноса, который являлся носителем данного праязыка. Поэтому реконструкции

праязыка и протокультуры должны восприниматься исследователями как связные части единого целого. Последовательно целостный подход к такого рода процедурам требует распределения лексем по семантическим гнездам, т.е. по идеографическому принципу, и восстановления соответствующих доисторических реалий через призму общетюркского словаря исконной лексики. Компаративное изучение лексики как структурно организованной системы дает надежное основание для реконструкции прототюркской культуры в таких областях, как, скажем, мифология, верования, ритуалы и открывает дорогу в духовный мир пратюрков. Таким образом вновь становится предметом самого пристального внимания со стороны многих компаративистов незаслуженно дискредитированная в конце XIX—начале XX вв. младограмматистами т.н. лингвистическая палеонтология.

Историю этноязыковых взаимоотношений необходимо рассматривать в тесной связи с взаимодействием фольклорных и других текстовых традиций, как устных, так и письменно-литературных, поскольку с древнейших времен известны случаи, когда один и тот же фольклорный сюжет или мотив находит отражение не только в гениальных или соседних традициях, но часто обнаруживается в весьма отдаленных и генетически не связанных между собой языковых традициях.

Приходится, однако, констатировать, что основой наших сведений о прототюркской общности являются прежде всего данные сравнительно-исторической лингвистики, а любой другой экстралингвистический (археологический, этнологический, культурно-исторический и проч.) материал может «заговорить в полный голос» лишь при квалифицированном учете языковых данных.

Величайший компаративист XX века В.И.Абаев ратовал за неизменное соблюдение в сравнительно-исторических исследованиях основополагающего принципа: «от слов к реалиям, от реалий к словам» (Абаев, 1986, 26). Лексика языка — результат многовекового освоения человеком окружающей его действительности с помощью стихийного применения трех умственных операций — селекции, абстракции и классификации. «Объем и структура лексики, — пишет В.И.Абаев, — соответствуют объему и структуре общественной практики и общественного сознания в прошлом и настоящем» (Абаев, 1986, 22).

Многое в словарном составе современного языка отражает реалии прошлого, подчас весьма далекого. От диахронического языкознания мы ждем раскрытия давно забытых связей между словами и «миром вещей». Слова проливают свет на реалии прошлого, а знание реалии помогает глубже понять историческое развитие семантики слова. Поэтому компаративист должен быть вооружен не только хорошим знанием исторической грамматики, но и быть широко и глубоко эрудирован в вопросах исторического прошлого народа, его материальной и духовной культуры.

Чисто лингвистические факты часто дают возможность судить о

некоторых экстралингвистических факторах, каковыми являются исторические соотношения между носителями определенных языковых единиц. Особую ценность и значимость для реконструкции по данным языка экстралингвистических факторов исторического сосуществования общих предков носителей генетически родственных и контактировавших иносистемных языков формально-семантический анализ лексики и номинативных единиц более высокого уровня (синтагм) генуинных языков, отражающих в принципе все основные сферы исторического бытия далеких предков носителей этих языков.

В понятие исторического сосуществования общих предков носителей генетически родственных и исторически контактировавших с ними языков включаются как экологическая среда — географическое окружение, климат, ландшафт, флора и фауна — и их обитание и движение в этой среде, так и их материальная и духовная культура в самом широком смысле. Историческая реконструкция семантических полей соответствующих лексем прототюркского языка позволяет (иногда по необходимости хотя бы фрагментарно) представить общую картину основных компонентов бытия его носителей — так называемую картину мира прототюрков. Лингвистические данные выступают в подобных семантических реконструкциях в качестве основного источника информации для представления древнейшей культуры и исторических путей существования и эволюции прототюрков.

Реконструкция важнейших элементов экстралингвистического мира прототюрков позволяет в свою очередь более ясно представить чисто лингвистические соотношения между прототюркскими диалектами и географически сопредельным иносистемными языками, а также проследить их динамику во времени и пространстве, то есть уточнить и собственно лингвистические аспекты изучения истории языка.

Таким образом выясняется, что компаративное изучение языковых семей и языковых союзов требует от исследователя интеграции самого широкого комплекса релевантных экстралингвистических фактов — палеогеографии, палеоклиматологии, палеоботаники, палеозоологии, археологии, физической, социальной и культурной антропологии, этнологии, фольклористики, мифологии и т.д., и т.п. Но это — только один из аспектов комплексного изучения туранского языкового (шире — этнолингвокультурного) союза — требование комплексного изучения репрезентативного эмпирического материала.

Вовлечение в корпус компаративно-контрастивно-контактологических исследований широкого круга экстралингвистического материала в свою очередь приводит исследователя к необходимости использовать при анализе эмпирического материала целый комплекс методов и приемов, накопленных соответствующими отраслями социальногуманитарных наук — историей, археологией, этнологией, антропологией, фольклористикой, географией, историей культуры, религиоведением, мифологией, семиотикой и т.д., и т.п.

Вследствие этого назревает проблема интеграции и комплексного использования в компаративных исследованиях языковых семей и языковых союзов выработанных самими разными науками специальных приемов и методов.

Таким образом, вырисовываются два важнейших аспекта комплексного, интегрированного подхода к изучению истории туранского языкового союза — эмпирический и методологический. Оба они требуют объединения творческого потенциала исследователей, специализирующихся в самых разных отраслях гуманитарных и естественных наук.

Изучение истории формирования, эволюции и функционирования такого многогранного социального явления, каковым является языковой союз, требует сочетания самых различных методов применительно к каждой стороне входящих в него конкретных языков и языковых семей. Охарактеризовать всю совокупность применительных к диахроническому изучению туранского языкового союза приемов и методов было бы довольно трудно по той причине, что компаративист — лингвист и историк в одном лице — должен в практике своих исследований учитывать все многочисленные факторы, в той или иной мере воздействующие на каждый из составных элементов всех строевых уровней языка и тем самым вызывающие в конечном итоге изменения самого языка в целом. При ретроспективном изучении языковых союзов эти трудности возрастают в разы, так как исследователь сталкивается с феноменом тесного исторического взаимодействия множества разносистемных языков в масштабах огромного пространственно-временного континуума. Поэтому интегрированное применение всего комплекса релевантных методов компаративного анализа лингвистического материала, по сути своей представляет в высшей степени творческий акт, связанный с решением самых различных задач и преодолением многих трудностей, необычайно разнообразных по своему характеру. Специфика сравнительно-генетических исследований такова, что компаративный метод в принципе включает в себя не один или несколько, а целый комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих методов.

Однако, несмотря на многообразие приемов и методов, а также и сложность конкретных задач исследования, все же можно выделить наиболее важные и основные приемы и методы ретроспективного анализа эмпирического материала, без использования которых сколько-нибудь объективное и эффективное диахроническое исследование туранского языкового союза в целом и входящих в его состав более мелких общностей (например, алтайской) и конкретных языков не представляется возможным.

На первых подступах к комплексному диахроническому изучению туранского языкового союза задачей первостепенной важности представляется интеграция методов сравнительно-генетических, структурно-типологических, сопоставительных, лингвогеографических, ареальных исследований репрезентативного эмпирического материала. Всякий конкретный метод

научного анализа имеет определенные рамки и границы применения, поэтому нельзя объявлять какой-нибудь отдельный метод исследования монопольным и ведущим.

Специфика научно-исследовательского метода определяется объектом изучения и целью исследования. Такое социально-историческое явление, как языковой союз, необычайно многогранно, поэтому изучение каждой отдельной его стороны, каждого составного элемента в его структуре требует применения особого подхода, особого метода. Так, например, при изучении истории конкретного языка методика анализа материала применительно к разным строевым уровням языка будет совершенно различной. Формальная реконструкция архетипов требует использования определенного комплекса приемов сравнительно-генетических исследований, однако эти приемы нельзя механически применять при изучении истории, скажем, синтаксиса — реконструкция синтаксических архетипов будет иметь свою специфику и потребует своей методы. Эти методы оказываются совершенно непригодными для реконструкции ретроспективных значений слов и т.д., и т.п. Когда изучаемое явление неоднородно и многообразно, наиболее эффективный путь его познания — интегрированное применение всего комплекса пертинентных приемов и методов анализа эмпирического материала. Эта общеизвестная истина, и она даже не требует никаких специальных доказательств.

Сами конкретные методы лингвистических исследований, в той или иной степени причастные к диахроническим изысканиям, обладают довольно большим разнообразием. Они сильно варьируют в зависимости от характера объекта (например, конкретного языка, семьи, общности, союза и т.п.), цели исследования и выбранного специалистом аспекта исследования. Методы так называемых сравнительно-генетических исследований в диахроническом изучении туранского языкового союза занимают ведущее место, ибо они уже давно зарекомендовали себя на практике, располагают более или менее разработанной на материале разных языковых семей методикой, получили всеобщее признание и выдержали испытание временем. Все остальные методы как бы пристраиваются к сравнительно-историческому методу, в известной мере его дополняют, а некоторые далеко уступают ему по своей эффективности и разрешающей силе.

Ведущее место в ретроспективном изучении туранского языкового союза должна занять тюркская компаративистика. Это обусловлено уже тем обстоятельством, что в центральноазиатском регионе уже с рубежа нашей эры доминирующее положение занимают различные тюркские языки, а во второй половине I тысячелетия н.э. постепенно и неуклонно разворачиваются процессы тюркизации местного субстратного населения степной полосы Евразии. Во всяком случае с рубежа I—II тысячелетий на обширных просторах всей аридной полосы Евразии от Хингана на востоке до Дуная на западе тюркский язык повсеместно занял доминирующее положение. Вклад всех других нетюркских языков в формирование туранского языкового союза в

основном сводится к разного рода субстратным, адстратным, суперстратным, перстратным, интерстратным и проч, включениям. Отсюда естественным образом вытекает вывод концептуального характера-**туранский языковой союз является прежде всего объектом изучения сравнительно-исторической тюркологии.**

Современная компаративная тюркология (resp. алтаистика) представляет собой многоуровневый комплекс лингвистических, филологических, географических, археологических, антропологических, этнологических, культурно-исторических и т.д. проблем. Тюркской и, шире, алтайской компаративистике предстоит разрабатывать на новых методологических основах с иным осмыслением известного и ранее материала не только вопросы реконструкции исходного праязыкового состояния в плане сравнительной и внутренней реконструкции, но и поставить проблемы реконструкции, но и поставить проблемы реконструкции прототюркской этнолингвокультурной структурной общности в области различных социальных институтов — религии, права, поэзии, мифологии, социологии, материальной и духовной культуры.

Выявление всего корпуса межъязыковых и межгрупповых (межсемейных) материальных, структурных, семантических, функциональных и проч, совпадений и схождений в пределах туранской общности, а затем последовательное комплексное изучение истории выявленного эмпирического материала с использованием всех релевантных приемов и методов диахронического языкознания дали бы возможность значительного углубления наших знаний в области сравнительно-исторического, структурно-типологического, ареально-географического изучения общих и отличительных структурных элементов тюркских, монгольских, иранских и ряда других языков Центральной Азии и сопредельных территорий.

Наличие огромного пласта тюркских интерференций во всех известных монгольских языках в настоящее время признается широким кругом специалистов по «алтайским» языкам и не вызывает споров у серьезных исследователей, независимо от их подхода к решению алтайской гипотезы. Тем не менее всестороннее исследование разных диахронических пластов тюркских интерференций в монгольские и монгольских в тюркские до последнего времени откладывалось в силу приоритета традиционных алтаистических исследований, направленных на обнаружение новых параллелей и реконструкцию праалтайских архетипов.

Комплексное изучение последствий взаимных тюркско- монгольских этноязыковых контактов и определение их роли в истории как тюркских, так и монгольских языков представляет огромный научный интерес и с общелингвистической точки зрения: полнее раскрывается механизм языкового взаимодействия, глубоко вскрываются различные интер- и экстралингвистические факторы, способствующие проникновению единиц одного языка в другой, получает более конкретное и четкое, взвешенное

решение вопрос о границах и степени проницаемости тех или иных уровней языка и т.д., и т.п.

Таким образом, имеются основания надеяться, что специфика туранского языкового союза как определенной ареальной группы языков со временем станет полностью очевидной и научно фундированной, если будет осознано, что генетический, типологический, ареальный, контактологический и некоторые другие лингвистические подходы, независимо от остальных, будут обращаться к остающимся идентичным самой себе структурам конкретных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, индоевропейских, сино-тибетских и проч. языков,, каждый раз в соответствии со своими специфическими критериями. Эти критерии не могут быть произвольными, в их роли способны выступать лишь такие признаки, которые действительно являются выражением конвергентных взаимоотношений и зависимостей, существующих между основными языковыми семьями Центральной Азии.

Комплексное изучение древнейших лексических заимствований в нетюркских языках, а также иноязычных интерференций в прототюркский позволило бы более корректно реконструировать исконный словарный состав и, уже на его основе, картину мира прототюрков и, соответственно, других народов, участвовавших в создании туранского языкового союза.

Установление языка-источника материально и типологически общей черты не(близко)родственных контактных языков — задача неимоверно сложная и трудоемкая и предполагает ряд последовательных этапов работы, сводящихся преимущественно к следующим процедурам.

1. Обследование всех тюркских языков и диалектов начиная с исходного прототюркского состояния с точки зрения рассматриваемого факта, поиски которого во избежание атомарности производятся в увязке с другими системно связанными с ним данными.

В случае отрицательного результата при попытке обоснования изучаемого явления как (обще)тюркского требуется переход в следующему этапу.

2. Поиски изучаемого факта в других смежных и более отдаленных неродственных языках или их потомках, занимавших в прошлом территорию общую или смежную с ареалом тюркского языка, в котором данный факт обнаружен. Целью таких поисков является исключение языков, не обнаруживаемых исследуемого явления, и установление языка (языковой семьи), где оно представлено.

3. Всестороннее исследование рассматриваемого явления в той нетюркской (иранской, монгольской и проч.) языковой семье, в которой оно обнаружено, для установления его органичности в ней и объяснения причины близости между изучаемым тюркским языком и данной нетюркской языковой семьей.

Материальная и типологическая близость между двумя и более языками

(языковыми семьями) может быть обусловлена разными причинами:

а) историческими контактами (влиянием тюркского языка на нетюркские; воздействием нетюркского языка на тюркские; воздействием третьего языка (языковой семьи) на обе данные, тюркскую и нетюркскую, языковые семьи и т.п.;

б) ареальной конвергенцией (вследствие тюркско- нетюркского сближения);

в) исконным типологическим параллелизмом сравниваемых тюркских и нетюркских языков (языковых семей);

г) конвергенцией независимых по происхождению единиц;

д) случайными совпадениями;

е) генетическим родством.

Приводимые ниже процедуры исследования связаны только с одной из причин типологического сходства, вызванных воздействием нетюркских языков на тюркские (в частности, казахский) — одной из наиболее характерных, но далеко не единственной. В случаях с другими причинами возникновения межъязыковых материальных и типологических общностей характер последующих, доказывающих их природу процедур, естественно, должен быть существенно иным.

4. В случае наличия у исследуемого явления (например, лексического) сопутствующей черты другого уровня (грамматической) в данных нетюркских языках установление ее типичности для отправного и других тюркских языков (языковых групп).

Ограниченность данной сопутствующей черты для специально исследуемого тюркского (например, казахского) языка — при ее отсутствии или непродуктивности в других родственных (например, куманско-кыпчакских, карлукских, огузских и др.) языках — может указывать на приобретенный (субстратный, заимствованный) характер основного анализируемого явления в изучаемом языке.

5. Синтез результатов комплексного сравнительно- исторического исследования данной нетюркской (например, иранской) семьи языков, типологически связанной с отправным в исследовании тюркским (например, казахским), который в случае субстратного происхождения изучаемой особенности должен привести к реконструкции того субстратного (например, иранского: согдийского, сакского и проч.) языка, который послужил источником данного изучаемого явления.

Основой частичной реконструкции субстратного языка, входящего в данную нетюркскую (иранскую) языковую семью, служат, с одной стороны, факты ее языков (иранских), с другой — исходного тюркского (т.е. казахского).

6. Выявление вопроса об исконно праязыковом или приобретенном (субстратном, заимствованном) происхождении изучаемого факта в языковой семье, признанной ее источником, с примерным установление происхождения заимствования или субстратного включения, а также относительной

хронологии системно связанных с данной чертой явлений в тюркских языках.

Даже это схематичное и наиболее общее ознакомление с основными этапами и процедурами исследовательской работы, которую необходимо выполнить для установления происхождения определенной материальной типологической общности языков Центральной Азии или туранского языкового союза, показывает ее большую трудоемкость, сложность и многообразие.

Объем применения интегрирующего накопленный современными контактологическим, сопоставительно-типологическим, сравнительно-историческим направлениями опыт комплексного метода в тюркском (resp. алтайском) языкознании обещает быть чрезвычайно широким, так как фактически нет ни одной области изучения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, дискурса), где бы не встречались нерешенные вопросы, ответы на которые надо в конечном счете искать с помощью применения этого комплексного метода.

Особенно велика может быть польза от всестороннего комплексного изучения диахронических этапов разностороннего взаимовлияния разных языков туранской общности для исторической фонологии, морфологии и лексикологии тюркских, монгольских и иранских языков. Так, например, результаты подобных исследований дали бы возможность гораздо яснее представить структурную систему каждого отдельного языка в ее исторической динамике и решить ряд частных вопросов, скажем, таких, как количественная градация гласных, звонкость и глухость анлаутных согласных, природа жоканья / йоканья, происхождение ротацизма и ламбдацизма, структура корня в пра- и прототюркском и т.д., и т.п.

Применительно к казахстанскому языкознанию широкое применение комплексного метода предполагает прежде всего выявление в казахском языке всех элементов — фонетических, морфологических, лексических, синтаксических, дискурсных — обязанных своим возникновением или формированием полностью или частично канглыйско-кыпчакскому, пракрыпчакскому, пратюркскому, прототюркскому языкам-основам, а также многочисленным субстратно-адстратно-суперстратно-перстратным иноязычным нетюркским влияниям. Для истории казахского языка наиболее актуальной представляется задача выявления таких диахронических субстратных включений, как сакский, массагетский, усуньский, юэчжийский, суннуский, огурский и т.д., а также установление объема, характера, времени и места более поздних иноязычных интерференций — сино-тибетских, монгольских, иранских, персидских, арабских, тюркских (огурских, карлукских и проч.), ойратских (джунгарских), калмыцких, восточнославянских и т.д., и т.п.

В виду огромной трудоемкости и многообразия процедур всестороннего комплексного изучения языков туранской общности для достижения

наибольшей эффективности и результативности на начальных этапах целесообразным представляется сосредоточение исследовательских усилий вокруг какого-либо одного наиболее показательного факта или явления. Согласно требованию системности этот конкретный факт, естественно, будет изучаться на фоне и в неразрывной связи со всеми языками и системами, в которые он входит, или которые требуют проверки его употребления. По объему привлекаемого материала подобного рода частные, если можно так выразиться, «микролингвистические» исследования ничем не будут уступать исследованиям более широкого масштаба, когда одновременно будут изучаться несколько или множество взаимообусловленных лингвистических фактов и явлений в их совокупности. В частных «микролингвистических» исследованиях научный поиск, естественно, будет носить более конкретный, глубокий и целеустремленный характер. Все анализируемые в такого рода исследованиях факты будут сфокусированы вокруг одного центрального лингвистического явления, Объяснение которого и будет составлять тематический стержень всей работы.

Особенно острая необходимость в такого рода комплексных «микролингвистических» разысканиях в связи с их эвристической направленностью возникает при исследовании туранского языкового союза, когда речь идет о всестороннем изучении наиболее труднодоступных для адекватного объяснения объектов, требующих исчерпывающего, наиболее точного определения, когда ставится вопрос об этнолингвистической атрибуции идентифицируемых элементов того или иного языка, в частности, при глубинной этимологизации так называемых мигрирующих культурных слов, при выявлении диахронических и диатопических субстратных включений, при установлении центра и зон иррадиализации фактов и явлений контактных языков и т.д., и т.п., т.е. в тех случаях, когда ставится вопрос о лингвистической атрибуции неидентифицированных элементов того или иного языка, в частности, в особенно сложных и спорных случаях ранних лексических и семантических заимствований.

Оба подхода — и «макролингвистический», и «микролингвистический», взаимодополняя друг друга, безусловно необходимы при изучении туранского языкового союза. «Микролингвистический» подход особенно важен в тех случаях, когда требуется наиболее тщательное и детальное изучение взаимоотношений разных языковых идиом внутри туранского языкового союза, включая смежные и сопредельные территории, когда требуется наиболее объективная ревизия и верификация вновь открытых лингвистических фактов (например, при посильном восстановлении древнейших индоевропейских и индоиранских интерференций индоиранского и восточноиранских и проч. субстратных языков, не облагающих письменными памятниками).

Только полноценное выполнение такого пока идеального и далекого от реального осуществления требования комплексного ретроспективного

исследования на основе интеграции и синтеза методов компаративного, контрастивного, контактологического, ареально-географического и др. направлений вместе с серьезным описательным изучением структуры всех языков туранского союза могло бы привести впоследствии к действительно объективному решению многих вопросов древнейших этапов языковой, этнокультурной, хозяйственно-экономической и даже социально-политической истории народов Великой Евразийской Степи и сопредельных территорий.

Справиться с такой многоплановой и архисложной задачей может только новое поколение специалистов, обладающее основательной подготовкой как в области тюркских и соответствующего круга нетюркских (прежде всего в области иранских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, японского, китайского и др.) языков, так и в самых разных областях культурной антропологии и этнической истории носителей этих языков. Именно подготовка разносторонне эрудированных и высококвалифицированных специалистов становится настоящим требованием времени, стоящим перед современной ориенталистикой.

У Казахстана с его разноцветьем языков есть все шансы стать лидером на этом благородном и увлекательном поприще.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Проблематика этноязыковых контактов обширна и охватывает социологические, этнологические, культурологические, психологические и проч. вопросы. В данном случае мы выделяем в качестве главной, собственно языковедческой, проблему изучения исторической динамики речевой коммуникации в условиях диахронических контактов разноязычных этнических коллективов в пределах Центральной Азии и смежных территорий. При этом не только отрицается, а напротив, предполагается необходимость проведения комплексных этнолингвокультурологических исследований с тем, чтобы наиболее рельефно представить себе результаты конвергентного развития ряда этноязыковых континуумов на обширной географической территории, а также с тем, чтобы узнать, как двуязычный индивид усваивает, хранит в памяти и соотносит языки и то, как функционируют контактные языки в дву- и многоязычном обществе и как это отражается на том и другом контактном языке, хранящемся в коллективной памяти его носителей и т.д.

Языковой контакт или речевое общение может происходить между двумя или более языковыми коллективами. В зависимости от сложившихся в данном обществе условий речевого общения, контактным может быть язык то одного, то другого языкового коллектива, но нередко бывает и так, когда контактный язык не принадлежит ни к одному из контактирующих коллективов (например, в современных условиях казахи общаются с татарами или, скажем, таджиками через посредство русского языка). Такой контактный язык принято называть языком-посредником. В центральноазиатском регионе в разное время такими языками-посредниками служили, например, согдийский, персидский, средневековый тюрки и некоторые другие языки. Но гораздо чаще контактирующие коллективы в той или иной степени владели двумя языками, т.е. были билингвами и в зависимости от условий речевого общения попеременно использовали оба контактных языка — тюркский и иранский (персидский), тюркский и монгольский и проч. «Владение двумя языками» следует понимать в том смысле, что грамматики и словари билингвов, не обязательно совпадают в полном объеме с грамматиками и словарями носителей языка каждого из контактирующих коллективов: билингвы обычно не владеют контактным языком, если он не является их языком, так же свободно, как те, для которых этот язык является родным. Следовательно, двуязычие следует рассматривать как некий лингвистический континуум, простирающийся от весьма элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им. Нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении нормы, принято обозначать термином интерференция. Тесные культурные взаимосвязи территориально близких этноязыковых идиомов

приводят к развитию сходных черт у двух или нескольких языков независимо от их общего происхождения. Речевое общение между двумя языковыми коллективами ввиду затрудненности акта коммуникации в этих условиях ведет к конвергентному переустройству контактирующих языков в сторону их сближения и опрощения. Историческое изменение контактирующих языков в сторону их сближения приводит к уподоблению характеристик оно не их означаемых и означающих элементов и правил обращения с ними, т.е. к конвергентному развитию.

При изучении истории формирования языковых союзов, объединяющих родственные и неродственные языки, контактирующие идиомы рассматриваются ретроспективно, исходя из конечного состояния, а именно их схождения, причем особое внимание обращается на явления приближения к этому состоянию, т.е. в основу описания кладется допущение о конвергенции контактирующих языков. Следовательно, конвергентное описание ориентировано: оно предполагает историческую динамику контактных языков в определенном направлении — в сторону их сближения и схождения.

В сравнительно-историческом языкознании традиционно господствовала процедура выявления в родственных языках того, возводимо к общему праязыковому состоянию; привнесенное извне, «чужое» привлекало компаративистов лишь постельку, поскольку укладывалось в общую схему генетической реконструкции. Именно игнорирование внешних связей до сих пор является ахиллесовой пятой тюркской компаративистики и алтаистики.

Между тем, еще в 1900 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ сформулировал новую концепцию сравнительно-сопоставительного языкознания, включив в исследовательскую процедуру наряду с анализом гениальных языков и типологические сопоставления языков независимо от их родства, вернее, «сравнительное обозрение двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 31). По существу это было первым шагом в область комплексного компаративно-контрастивного изучения языковых союзов.

Центральная Азия является в некотором роде уникальным регионом, в пределах которого в течение всего доступного обозрению исторического периода происходили интенсивные этноязыковые контакты главным образом трех ведущих языковых семей Евразии — индоевропейской, тюркской и монгольской, причем в разные исторические эпохи они имели разное, подчас прямо противоположное направление.

В результате многовекового взаимодействия преимущественно индоевропейских (индоиранских и восточноиранских), тюркских и монгольских этноязыковых континуумов в течение, по крайней мере, последних трех тысячелетий в Центральной Азии сложилась специфическая

иранско-тюркско-монгольская этноязыковая общность контакционного типа сочень глубокой исторической традицией. Этот факт требует к себе самого пристального внимания со стороны специалистов, особенно в тех хронотопологических рамках, в которых предположительно осуществлялись длительные и глубокие межъязыковые контакты. Выделение заимствований является первостепенной задачей любого сравнительно-исторического исследования.

Отмечая несовершенство сравнительно-исторического метода, имеющего в чистом виде не безграничные возможности, Б.А.Серебренников еще в 1956 году высказал мнение о том, что едва ли не наиболее ощутимым недостатком компаративистики является слишком слабый учет межъязыковых контактов и их последствий. Для усиления возможностей сравнительно-исторического метода он считал целесообразным дополнить его «...особой отраслью языкознания, изучающей многочисленные типы влияния одного языка на другой...» (Серебренников, 1956, 56). При этом он справедливо подчеркивал, что «изучение взаимовлияний языков является одной из важнейших задач лингвистической науки. Важность этой задачи обуславливается тем, что взаимовлияние языков является вполне реальным и объективным фактом действительности, мимо которого не может пройти лингвистическая наука» (Серебренников, 1956, 34).

Сложившаяся в историко-генетическом изучении языков Центральной Азии ситуация ставит на повестку дня лингвистов- компаративистов ряд задач, ближайшей целью которых являлось бы максимально полное выявление последствий исторических контактов между многими языками региона. С тюркологических позиций к числу приоритетных следует прежде всего относить выявление последствий исторических контактов с индоарийскими (андроновцами, карасукцами, тагарцами и проч.), восточноиранскими (скифами, саками, усунями), тохарскими, сино-тибетскими (не только с китайским!), палеоазиатскими, енисейскими, самодийскими, угорскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, персидскими, арабскими, восточнославянскими и т.д.

Всестороннее комплексное изучение этих и других диахронических и диатонических межъязыковых контактов предполагает тщательное сопоставление не только лексики и морфологии, но и всех других строевых уровней сопоставляемых языков в объеме всего доступного нам материала как древних, так и современных идиомов центральноазиатского региона и смежных территорий.

Таким образом, мы приходим к заключению о выделении контактологического направления в самостоятельную отрасль сравнительно-исторического языкознания. При это очень важно определиться, что при сравнительном изучении материальных, семантических и смысловых сходжений двух или более языков контактологические исследования должны предшествовать генетическим. Разграничение диахронических пластов

заимствований и интерференций из исторически контактировавших языков от собственного, исконного фонда является обязательной предпосылкой достижения важной промежуточной цели — определения восходящих к праязыковому состоянию исконных структурно-фонетического, морфологического и синтаксического типов исследуемого языка, выявления в нем основных способов передачи грамматических значений, уточнения состава его базовой лексики и т.д.

Здесь надо отметить, что взаимовлияния языков и последствия межъязыковых контактов изучались компаративистами и в прошлом, но все же не подлежит сомнению и то, что они изучались не так глубоко, не на том уровне, как это делалось в отношении «исконных» языковых элементов, основного объекта историко-генетических штудий.

На повестке дня тюркологов-компаративистов стоит также задача выявления разновременных и разнородных тюркизмов в отдельных языках и классификационных группах тюркских и др. языков, а также установление социально-исторических причин, характера, времени и места соответствующих межгрупповых и межъязыковых взаимовлияний, так же, как и конкретных языков, оказавших эти влияния.

Выявление разнообразных диахронических и диатопических воздействий одних тюркских языков на другие в их по возможности полном объеме, в том числе и на соответствующую ономастику, должно неизбежно привести к обнаружению архаичных реликтных элементов исчезнувших субстратных тюркских же языков. Так, уже сейчас с известной уверенностью можно констатировать наличие достаточно представительного огузского (или протобулгарского) субстрата в тюркских языках степного пояса Евразии, который хорошо определяется прежде всего благодаря характерным исключительно для данной языковой группы проявлениям ротацизма и ламбдацизма. Между тем, большинство компаративистов, оставаясь в тисках ортодоксальной алтайской теории, огузские субстратные включения в стандартных тюркских языках все еще пытается объяснить как рудименты праалтайского состояния, хотя при этом возникают серьезные трудности; например, не получает внятного объяснения причина сохранения праязыковых *g* и */* в части слов при наличии в одном и том же языке их закономерных фонетических коррелятов с *z* и *s* и т.д. В последнее время тюркская компаративистика накопила достаточно много серьезных аргументов, свидетельствующих о вторичной природе булгарочувашского ротацизма и ламбдацизма. А это является очень серьезным аргументом против ортодоксальной алтайской гипотезы. Серьезные исследователи уже достаточно давно пришли к заключению, что прототюркский был *Z*-языком, а ротацизм и ламбдацизм развились только в западной части прототюркской эйкумены, имевшей наиболее тесные контакты с индоариями (андроновцами), индоиранцами (карасукцами) и восточноиранскими племенами скифо-сакского круга. А это уже является достаточно веским аргументом в пользу очень

вероятной гипотезы, согласно которой тюркский R-диалект, ставший основой огурского языка булгаро-чувашского типа, сформировался в центре Азии в результате наложения стандартного тюркского языка огузского типа на индоиранский (археологически — карасукский, этнически — динлинский) субстрат (Егоров, 1992, 30-31; 2006, 144-163; Егоровы, 2000/2001, 185 — 204; 2002, 140 — 154; Егоров, 2007, 1921 — 1944). Установление вторичной природы оіурского (булгаро-чувашского) ротацизма не оставляет никакой почвы под ортодоксальной алтайской гипотезой, так как ротацированные и ламбдацированные монгольские параллели тюркских слов при таком раскладе вполне аргументированно объясняются как ранние (до XIII в.) заимствования из огурского (прабулгарского) языка (Рона-Таш, 1974, 31-45; Rõna-Tas, 1982, 113-168). Следовательно, обнаруживаемые в стандартных тюркских языках ротацированные и ламбдацированные варианты исконных основ с зетацизмом и сигматизмом (например, такие, как др.-уйг. *изде- ирде-* искать, *түш ~ түл сон'* и т.п.) следует квалифицировать как проявления оіурского (прабулгарского) субстрата, сохранившихся с хуннских времен (II—V вв. н.э.).

Однако на практике вопрос этот решается не так просто, так как часть слов с огурским ротацизмом и ламбдацизмом проникала в стандартные тюркские языки через посредство среднемонгольского языка в XIII—XIV вв.

Уровень контактологических исследований результатов исторических межъязыковых взаимовлияний и интерференций необходимо поднять до уровня сравнительно-генетического изучения восходящих к праязыковому состоянию исконных материальных, смысловых и функциональных элементов. Наиболее простой и логичный путь к этому заключается в том, чтобы и к обнаруживаемым с помощью сопоставительно-типологического или контрастивного метода иноязычным заимствованиям и интерференциям, в особенности к глубинным и древним заимствованным элементам, при их дальнейшем изучении были применены разработанные сравнительно-историческим языкознанием и прошедшие испытание временем строгие и точные научные приемы и методы. Короче говоря, перед современным языкознанием стоит задача интеграции компаративного, контрастивного и контактологического методов анализа лингвистического материала. В мировой лингвистической практике уже имеется весьма удачный опыт практического применения подобного комплексного метода к изучению исторических контактов языков Центральной Азии. Декларируя это, мы имеем в виду прежде всего четырехтомный фундаментальный труд Г.Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке» (Doerfer, 1963 — 1972, I — IV), а также работы А.М.Щербака, А.В.Дыбо, Ж.К.Туймебаева, А.Рона-Таша и др. (см. список литературы).

Поскольку конкретные социальные и этнические группы идентифицируются прежде всего через их язык, тюркология должна и впредь в значительной степени полагаться на данные, полученные лингвистической

компаративистикой. Следует в связи с этим отметить значительный прогресс в сравнительном изучении тюркских языков и более четкую оценку роли языкознания в обогащении наших знаний о культуре прототюркских племен, об их контактах с другими древними цивилизациями Центральной Азии и т.д. (см., например, СИГТЯ, 1984-2006; Дыбо, 2007; Туймебаев, 2004, 2005, 2008; Doerfer, 1963-1972, I—IV; Щербак, 1997, 2005; ЭСТЯ, 1974-2009; Гамкремидзе, Иванов, 1984, и др.).

В настоящее время никто из серьезных компаративистов не считает предосудительным выявление в том или ином древнем и современном языке самых различных диахронических пластов заимствований из контактных языков. Напротив, критические нападки на выявление возможных заимствований из исторически контактировавших языков теперь расцениваются как ненаучные и неуместные в научных публикациях. Мы не разделяем попыток отдельных языковедов отвергнуть наличие древнейших заимствований из иносистемных языков как принижающих статус носителей прототюркских диалектов.

Многочисленные контактные заимствования и субстратные включения выявлены уже в самых древних индоевропейских языках. Так, например, в санскрите имеется большое число слов, заимствованных из дравидийских и других аборигенных языков; в греческом, одном из древнейших письменно засвидетельствованных языков, к тому же часто называемом индоевропейцами консервативным, обнаружено от пяти до шести тысяч заимствованных слов. Теперь твердо установлено, что базовые структуры языков, их фонологические, морфологические и синтаксические компоненты, обиходный словарь постепенно изменяются в ходе контактов с другими языками.

Изменения происходят в первую очередь в словарном составе языка в связи с необходимостью обозначения новых культурных и технических понятий, в меньшей степени в деривационных морфологических элементах и синтаксической структуре и, наконец, менее всего в словоизменительной морфологии и фонологии. Отдельные частные отклонения от общей ситуации не ослабляют силу этих выводов. Как и в других науках, результаты компаративно-контактологических исследований имеют статистический характер: данные с низкой частотой встречаемости не опровергают того или иного общего вывода, а только способствуют более адекватному пониманию интересующих проблем.

В языкознании низкочастотные случаи дают возможность выявить определенные сегменты постоянно изменяющейся системы. Чтобы быть убедительным, исследования нерегулярных, а также и частотных явлений, должны обязательно основываться на знании языка и его функционирования в обществе как в настоящем, так и в прошлом. Подобные знания накапливались в течение всего периода развития тюркологии и суммировались лингвистической типологией.

Установление историко-культурологического контакта всех заимствованных слов и разного рода контактных включений элементов других строевых уровней языка имеет огромное значение для выяснения истории развития туранского языкового союза в целом, а также вовлеченных в него волею общих исторических судеб тюркских, монгольских, иранских и других языков и их исторических взаимосвязей. Было бы ошибкой, однако переоценивать значение внешних влияний и объяснять структурные особенности каждого тюркского языка исключительно заимствованиями.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНТРАСТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

В исследовании языков Центральной Азии подобающее ему место уже давно занял сравнительно-исторический, или компаративный метод. Ему вместе с дескриптивным методом в синхронии и диахронии принадлежит здесь главная роль. Значительно более скромное место в изучении языков данного обширного региона занимает относительно молодой сопоставительно-типологический или контрастивный метод. Кроме относительно небольшого пока объема проделанной здесь работы, обращает на себя внимание ее известная односторонность.

Сопоставительно-типологический метод применительно к туранскому языковому союзу является средством или, вернее, техническим приемом для обнаружения типологических черт, отличающих друг от друга тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки и одновременно сближающих их по отдельности в алтайскую общность. Равным образом с помощью контрастивного метода выявляются общие и отличительные материальные, семантические и функциональные элементы между тюркскими (resp. алтайскими) и иранскими (resp. индоевропейскими) языками данного региона.

Интенсивные языковые контакты, как известно, ведут к заимствованию и интерференции не только материальных, но и смысловых, семантических особенностей. Под ментальным воздействием взаимовлияющих языков возникают также многочисленные и разнообразные семантические интерференции и кальки на разных уровнях языковой структуры. В них с материальной, внешнеформальной точки зрения выступают исконные элементы языка-реципиента, но употребляются они согласно семантическим, функциональным, а иногда и структурно-модельным особенностям воздействовавшего языка.

Пока трудно говорить о том, насколько значительной была роль материальных и семантических, смысловых интерференций из иносистемных (в частности, восточноиранских) языков в формировании специфики структуры тюркских и, шире, алтайских языков. Для установления этого нужно провести большую целенаправленную работу по выявлению иноязычных субстратных включений на разных диахронических уровнях тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языков начиная с праязыковой эпохи.

Расхождения между объединяемыми в алтайскую общность языками, а также дифференциальные признаки между классификационными группами и отдельными языками внутри тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и их причины должны привлечь к себе гораздо большее внимание лингвистов-компаративистов, чем то, которое им до сих пор уделялось.

Сопоставительно-типологические исследования языков центральноазиатского региона — тюркских, монгольских, иранских и др. — вызываемые преимущественно практической потребностью в изучении определенных неродных языков, ограничиваются в основном сугубо описательно-прагматическими целями. Задача сопоставительно-типологического изучения языков сводится здесь в основном к тому, чтобы указать на типологические сходства и расхождения между, скажем, тюркскими и нетюркскими (славянскими, иранскими, монгольскими, разными тюркскими и проч.) языками, устанавливаемые в результате их сопоставления, и облегчающие практическое усвоение как тех, так и других. Цель объяснить причины и характер этих сходств или расхождений как правило, не ставится, в лучшем случае по этому поводу высказываются только отдельные предположения. Такого рода, с позволения сказать, сравнительно-типологические штудии относятся скорее к области прагмалингвистики или дидактолингвистики, чем к собственно контрастивному языкознанию. Признавая целесообразность и большую пользу подобного рода прагматических дидактолингвистических работ, следует сразу же заметить, что подлинно научные контрастивные исследования не могут ограничиваться ими.

Сопоставительно-типологическое направление языкознания обычно мало обращает внимания на уровень лексики, так как словарные заимствования не принято относить к типологическим чертам тех или иных контактных языков. Однако в таком подходе, очевидно, имеется определенная непоследовательность. Помимо многочисленных семантических схождений, в лексике и особенно в номинативных единицах более высокого уровня тюркских и исторически контактировавших смежных нетюркских (в частности, иранских, уральских, монгольских и др.) языков не менее многочисленны также случаи материальных, смысловых функциональных общностей, вызванных интерференцией соответствующих элементов. Если говорить о типологии языка, то, видимо, нельзя обойти не только ни одной из его наиболее характерных семантических (модельных), материальных типологических особенностей языкового союза рассматриваются сугубо материальные фонетические черты, если предметом рассмотрения сопоставительно-типологического направления являются не только неродственные, генетически не связанные, а и генуинные языки, даже всего один язык со всеми его специфическими особенностями, то, разумеется, нельзя, не рискуя быть непоследовательным, полностью исключить из сопоставительно-типологического анализа и лексику в ее материально-смысловом своеобразии.

Материально-смысловое своеобразие в типологически общей части двух и более смежных гетерогенных языков создается в значительной степени взаимоотношением основных исходных (праязыковых) и позднейших (субстратно-адстратно- суперстратных, интерферентных, заимствованных, калькированных и сознательно созданных) компонентов. Во

взаимоотношениях между языками Центральной Азии субстратные включения (например, восточноиранский в пратюркском, огурско-тюркский в среднемонгольском и проч.) и перстратные заимствования во многом определяют их специфику. Для смежных с тюркским этноязыковым континуумом иносистемных языков характерны многочисленные тюркские заимствования и интерференции (см например, Doerfer, 1963-1972), которые типологически характеризуют их лексику, выделяя их на фоне других родственных языков (например, ойратский на фоне халхаского и других монгольских; таджикский на фоне других иранских, дунганский на фоне других сино-тибетских), либо предшествующих периодов развития того же языка (калмыцкий по сравнению с ойратским; таджикский по сравнению с персидским; казахский по сравнению со среднекыпчакским и т.д.).

Для тюркских языков в их отношениях друг к другу характерно включение заимствований из разных тюркских (например, узбекских, туркменских, татарских в казахском) и иносистемных (например, монгольских в тувинском, алтайском, киргизском; арабских и персидских в узбекском, казахском, ногайском; китайских в уйгурском, саларском и т.д.) языков в разных пропорциях, либо сознательное пуристическое избегание интерференций с помощью калькирования или искусственного создания новых слов из собственных корневых и деривационных морфем, что, в частности, также определяет своеобразие каждого из них.

В свою очередь многочисленные заимствования из тюркских языков содержат смежные с ними иносистемные языки туранского языкового союза. Наиболее древние из них как сохраняющие формы, не засвидетельствованные письменными памятниками, представляют огромный научный интерес для сравнительно-исторического изучения тюркских языков. К таковым, например, относятся ранние (до XIII в.) огурско-тюркские субстратные включения в монгольские языки, содержащие явно выраженные специфические булгарочувашские фонетические, морфологические, семантические и др. особенности. Венгерский алтаист Андраш Рона-Таш, как было уже отмечено, в современных монгольских языках выявил более 1500 слов огурско-тюркского происхождения, почти 200 из которых отмечены печатью булгаро-чувашского ротацизма и ламбдацизма (Róna-Tas, 1981, 126). Совокупность этих слов дает специалистам возможность реконструировать прабулгарский язык рубежа нашей эры в достаточно полном виде, а это уже позволяет специалистам углубиться в историю всех других тюркских языков без малого на тысячу лет со времени первых наиболее ранних тюркских письменных памятников VII— VIII вв. н.э. Разумеется, для реконструкции исходных пратюркских форм интерферированных в древнемонгольский язык огурских (или прабулгарских) материальных и семантических элементов недостаточно. Здесь необходима интеграция данных двух сравнительно-исторических грамматик — как тюркских языков, так и монгольских, а также ряда других иносистемных языков, в которых обнаруживаются значительные

пласты относительно ранних заимствований из тюркских языков (иранской для таджикского, персидского, осетинского, курдского, памирских; финно-угорской для венгерского; славянской для восточнославянских и т.п.).

В разных иносистемных языках наблюдаются расхождения между источниками заимствований и интерференций — различными тюркскими языками, а также между заимствованиями разных периодов. Все это и многое другое требует самого тщательного изучения материала с привлечением обширной эмпирической базы по всем этноязыковым идиомам, так или иначе причастным к туранскому языковому союзу.

Накопление сходных материальных и типологических фактов различных языков региона, разумеется, не должно становиться самоцелью. Поскольку эти факты при детальном их изучении с привлечением материала обширного круга языков Евразии могут быть объяснены конкретными обстоятельствами истории взаимодействующих языков, вся наша гуманитарная наука и, прежде всего, дисциплины социально-исторического профиля, крайне заинтересованы в их глубоком исследовании и осмыслении.

Для того, чтобы контрастивный метод получил возможность не только обнаружить путем составления типологические и материальные сходства разных исторически контактировавших языков региона, но и объяснить их природу и причины происхождения, сопоставительно-типологический метод должен быть интегрирован, дополнен и углублен сравнительно-историческим, т.е. компаративным, ареально-географическим, контактологическим и т.д.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ежегодно в сентябре в Казахстане отмечается День языков, ставший общим праздником *для* всех народов республики. Ведущей идеей праздника стало осознание непреходящей ценности каждого языка и каждой национальной культуры, понимание того, что каждый язык — это частица духовного наследия всего человечества, а культура любого народа — это бесценный вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Появление на политической карте мира такого многоэтничного, мультиязычного, поликультурного государства, как Республика Казахстан, потребовало осмысления сложившейся в стране новой языковой ситуации, определения приоритетов и направлений языковой политики и языкового планирования. В новом контексте стали осмысливаться многие декларативные утверждения советской социолингвистики о безусловном и абсолютном влиянии общества на язык, о равноправии языков социалистических наций, о русском языке как о втором родном и т.п.

В новом контексте строительства национального государства с позиций вновь объявленных государственных языков началось регулирование языковой ситуации в республике. В связи с этим пришло ясное понимание того, что языковое планирование — это важнейшая составляющая национальной государственной политики, во многом обеспечивающее стабильное функционирование и динамичное развитие полиэтничного и многоязычного государства.

Новая языковая политика осуществляется в стране в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и Законами о языках (от 22 сентября 1989 г. и 11 июля 1997 г.), Концепцией языковой политики Республики Казахстан (от 4 ноября 1996 г.), Государственной программой функционирования и развития языков (от 5 октября 1998 г.), Государственной программой функционирования и развития языков на 2001—2010 гг. (от 17 февраля 2001 г.) и другими правительственными документами, регулирующими государственно-правовые аспекты языковых отношений в Республике Казахстан.

Языковая политика в Республике Казахстан проводится с соблюдением «функционального принципа формирования лингвистического поля в республике», направленного на осуществление языкового строительства по трем основным стратегическим направлениям: расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка, сохранение общекультурных функций русского языка, развитие других языков народов Казахстана, независимо от их статуса, численности носителей, особенностей и объема выполняемых языком социальных функций, генетической и типологической принадлежности и т.д.

Современный Казахстан — это многоязычная полиэтничная,

мультикультурная и поликонфессиональная страна, в которой проживают народы, говорящие на языках разных генетических семей и структурных типов. Этноязыковой ландшафт современного Казахстана характеризуется, с одной стороны, высокой степенью языкового разнообразия (около 130 языков), с другой — количественным доминированием двух этносов и языков — титульного казахского и русского — над всеми другими этноязыковыми сообществами.

Этноязыковой ландшафт Казахстана представляется в целом экзогlossной и диффузной; в нем представлены в той или иной степени языки самых разных генетических семей (алтайской, уральской, индоевропейской, иберийско-кавказской, сино-тибетской, семито-хамитской, палеоазиатской и проч.) и типологических характеристик (аналитические, синтетические и полисинкретические, или агглютинативные, флективные, изолирующие, инкорпорирующие; а также языки номинативного и эргативного строя). При этом 24 тюркских языка относятся к самой многочисленной группе генетически родственных языков, составляющих 60,5% от всего населения страны.

Дисперсное расселение носителей большинства языков и отсутствие у них своих национально-территориальных образований на фоне дисперсного расселения большей части казахского населения (за исключением южных и западных регионов республики) создает условия для активного взаимодействия всех языков страны с казахским и русским языками. Демографически и коммуникативно неравнозначные языки этнических диаспор отражают исторические перипетии разных народов, волею судеб в разное время оказавшихся на территории Казахстана.

Все это привело к осознанию широкого круга теоретических и практических задач, которые стоят сегодня перед казахстанским языкознанием: определение юридического и фактического статуса языков; содержание и этапы планирования языков; этническая и языковая идентификация личности, этнических групп и населения страны в целом; возможность предотвращения угрозы языковых конфликтов; способы реализации языковой политики и эффективность мероприятий языкового строительства; проблема витальности языка в зависимости от его статуса и осуществляемой государством языковой политики и многое другое.

Все эти вопросы теоретического и практического характера в основном относятся к сфере проблем синхронной социолингвистики, но при их практической разработке важную роль играет и учет разнообразных факторов диахронического изучения динамики этноязыковой ситуации в регионе, а также использование многовекового опыта народов Центральной Азии по налаживанию и стабильному поддержанию межэтнических и межъязыковых взаимоотношений в течение многих столетий и даже тысячелетий.

Для понимания современных задач налаживания спокойных межэтнических, межъязыковых,

межконфессиональных взаимоотношений в равной степени важен учет самых глубоких корней языков и культур, а также результатов взаимодействия их между собой. Такого рода контакты обычно происходили как в рамках языковых союзов, так и в рамках культурно-временных общностей, возникавших на основе каких-то общих представлений, объединяющих взгляды полностью различающихся по своему языку контактирующих народов.

В этом отношении чрезвычайно актуальным представляется открытие туранского языкового союза, всестороннее и глубокое изучение которого в историко-генетическом, типологическом, функциональном и других аспектах значительно дополняет общую картину эволюции сложного этноязыкового ландшафта Казахстана и смежных стран и не только расширением методики исследований, но и учетом таких особенностей, к которым лишь приближается синхронная социолингвистика или, скажем, недавно возникшая когнитивная лингвистика.

Туранская этноязыковая общность — не миф и не чисто логический конструкт, он на деле выявляется методами научного наблюдения, существует как объективная данность, хотя направление и интенсивность контактов, а также ее составные этноязыковые компоненты заметно менялись на разных диахронических уровнях от эпохи к эпохе.

Историческая эволюция и определенная трансформация туранского языкового союза не прекращались никогда. В новое и новейшее времена на все компоненты туранского языкового союза в той или иной степени оказывал и продолжает оказывать значительное воздействие восточнославянский, преимущественно русский, компонент, а в последние десятилетия заметно прогрессирует влияние со стороны западных (прежде всего английского) и восточных (китайского, японского и др.) языков и культур. В пределах границ Казахстана и других республик Центральной Азии происходит активное взаимодействие титульных, государственных языков с языками многочисленных этнических диаспор, иммигрантскими миноритарными языками и т.д.

Всестороннее осмысление формирования, эволюции и функционирования туранского языкового союза требует глубокой исторической ретроспективы и широкой географической перспективы аналитических исследований данного этнолингвокультурного феномена. Для объективного воссоздания широкой, панорамной картины туранского языкового союза несомненно требуется охват больших диахронических периодов, в том числе и таких, которые пока еще выходят за пределы доступных нашему наблюдению далеких исторических эпох. Поэтому ретроспективное изучение глубинных этапов формирования туранского языкового, шире — этнолингвокультурного, союза должно быть ориентировано прежде всего на праязыковые реконструкции, позволяющие проникнуть в мир тех далеких эпох, когда письменность еще не существовала

и лишь живое слово сохранило до наших дней отблески тех времен, когда оно, это слово, зародилось и через которые дошло до современности.

На бескрайних просторах евразийского «степного коридора», большая часть которого пролегает по территории Казахстана, на протяжении всего доступного обозрению с высоты современной исторической науки периода происходило интенсивное взаимодействие самых различных этносов, языков, культур между собой, и разобраться во всех этих неимоверно сложных многоплановых, многокомпонентных, многоаспектных, разновременных, разновекторных, разноместных исторических припетиях можно лишь путем скрупулезного изучения различных объектно-субъектных и пространственно-временных уровней этно-лингво-культурных взаимодействий, взаимовлияний, взаимзаимствований, перезаимствований и проч, конвергентных и контактных явлений, начиная с природно-климатических, историко-генетических, хозяйственно-экономических, социально-политических и других условий и причин и обязательно включая интегрированное, комплексное исследование языковых и культурно-антропологических факторов.

В условиях многоэтничного, мультиязычного и поликонфессионального Казахстана такого рода комплексные исследования исторически сложившегося главным образом на его территории туранского языкового союза являются необычайно актуальными не только с сугубо теоретической научно-познавательной, но и с социально-политической стороны, так как они в той или иной степени могут оказать благотворное влияние на формирование национальной, языковой и культурной политики государства.

Для поддержания толерантных межнациональных отношений в полиэтнической стране чрезвычайно важно формирование в менталитете населения представлений о том, что каждый язык и каждая культура, представленные на территории государства, имеют многовековые корни и глубокие исторические взаимосвязи друг с другом, продолжающиеся подчас с незапамятных времен. Многообразие языков и многоцветие культур народов Казахстана является бесценным общим достоянием всех казахстанцев, независимо от их этнической и языковой принадлежности.

Не будем обольщаться измышлениями о том, что в далеком прошлом взаимоотношения между народами в историческом прошлом были бесконфликтными. Все мы хорошо знаем и средневековую, и древнюю историю Великой Степи, которая полна трагическими событиями. Можно, конечно, упрекать музу истории Клио за ее злопамятство, но такова специфика письменной традиции, что ее больше интересуют бурные политические события, чем размеренное течение жизни. Скупые письменные источники по древней истории народов Центральной Азии рассказывают нам главным образом о бесчисленных военных столкновениях между разными этнополитическими организмами, а подчас — о межплеменных распрях внутри одного народа. Однако с полным основанием можно констатировать, что главной причиной военных конфликтов в Великой Степи были экономические,

вызванные в конечном итоге глобальными природно-климатическими катаклизмами. Во всяком случае, ни в одном нарративном источнике мы не находим ни намека на то, что причиной военных столкновений были межэтнические конфликты на языковой или культурной почве. Совсем наоборот: различные по своему происхождению и структурному типу языки везде и всегда вступали в самые тесные взаимоотношения друг с другом на огромных географических регионах, что и приводило к образованию больших и малых языковых союзов.

На современном этапе изученности проблемы можно констатировать, что формирование туранского языкового союза в очерченных выше географических пределах в основном происходило на территории современного Казахстана в результате диахронических пересечений нескольких языковых позиций, включающих индоевропейскую, тюркскую, уральскую, монгольскую, палеоазиатскую и некоторые другие языковые семьи. Важнейшим итогом исторических перекрещиваний разносистемных языков стала их частичная материальная, структурная, семантическая и функциональная конвергенция. Заложенные таким образом в глубокой древности конвергентные процессы разносистемных языков традиционно продолжают в Центральной Азии вплоть до наших дней.

О современных процессах межъязыковой конвергенции в данном регионе на примере Казахстана красноречиво свидетельствуют, скажем, такие факты: в школах республики изучается более 20 языков народов Казахстана; 80% уйгуров и узбеков, 64% татар, 29% корейцев, 15% немцев, 15% русских, 13% украинцев, 10% белорусов свободно владеет казахским языком; 99,4% казахов в той или иной степени владеет родным языком, 75% — русским и около 1% — английским; по итогам переписи 1999 г. в республике Казахстан идентифицировано 126 языков, в том числе более 20 языков с численностью носителей более 10 тыс. человек (например, численность карачаево-балкарцев в 1999 г. составляло 3479 человек, чувашей — 11851, а в 1989 г. соответственно 4967 и 22305 человек); в ряде вузов республики ведется подготовка специалистов по немецкому, уйгурскому, польскому, турецкому, корейскому, азербайджанскому и другим языкам народов Казахстана и т.д. Эти и многие другие факты наглядно демонстрируют современные процессы межэтнических и межъязыковых взаимодействий в Казахстане, которые с известными оговорками можно экстраполировать и на весь ареал туранского языкового союза.

В России на самых высоких инстанциях декларируется, что главным субъектом власти, политики и управления в стране является российский народ или российская нация. Так, например, на совещании в Чебоксарах 5 февраля 2004 г. экспрезидент России В.В.Путин произнес следующие слова: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство.

Это наша историческая и сегодняшняя реальность».

Нет никакого сомнения в том, что в современном геополитическом понимании объекта с достаточным на то основанием можно говорить о населении России как о единой нации. При этом, однако, следует помнить, что народы Поволжья были включены в состав формирующегося Российского государства лишь в середине XVI в., а все остальные «национальные окраины» были колонизированы Российской империей куда позже. Следовательно, история консолидации народов России в единую российскую нацию отсылу охватывает без малого пять столетий.

Куда больше оснований говорить о казахстанском народе как о единой геополитической общности, единой нации. Во всяком случае в пределах современного Казахстана история формирования, эволюции и функционирования туранского этнолингвокультурного союза имеет многотысячелетнюю традицию. В сущности своей туранский этноязыковой союз является одним из центральных компонентов более обширного евразийского союза, горячим апологетом которого является Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев.

Манифестация туранского языкового (шире — этнолингвокультурного) союза нуждается в осмысленной поддержке со стороны просвещенной части общества не только Казахстана, но и всей Центральной Азии (или, как принято называть сейчас на западе, «Центральной Евразии», ареал которой «распространяется от региона Черного моря, Крыма и Кавказа на западе через регион Средней Волги, Центральной Азии и Афганистана и до Сибири, Монголии и Тибета на востоке»; (см. <http://cess.fas.harvard.edu>).

Провозглашение туранского языкового союза представляет собой не просто доктринальную новацию, но и серьезный вызов для научного сообщества, политического руководства заинтересованных регионов и всех тех, что формулирует и формирует представления граждан, а также осуществляет государственную языковую политику.

Таким образом, перед лингвистикой XXI века встает увлекательная проблема изучения типов древних и современных этноязыковых и культурных контактов в различных регионах Евразии. В этом русле перед диахронической тюркологией встает задача первостепенной важности — объединить усилия заинтересованных специалистов и приступить к всестороннему комплексному исследованию истории формирования, эволюции и функционирования туранского языкового, шире — этнолингвокультурного, союза с древнейших времен до современности.

Остается только надеяться, что в осуществлении этого многообещающего, но и вместе с тем многотрудного проекта будут заинтересованы тюркологи, монголисты, иранисты и т.д. России, Китая, Монголии, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Азербайджана, Турции, Ирана и других стран.

Как уже было неоднократно отмечено, центром притяжения и зоной

наиболее активного пересечения многих языковых позиций с древнейших времен является территория современного Казахстана. Поэтому наиболее реальным претендентом на роль ведущего координационного центра является Республика Казахстан, обладающая к тому же мощным научным потенциалом и высококвалифицированными кадрами востоковедов.

Цели и задачи комплексного исследования истории туранского языкового союза в общих чертах совпадают с перспективными задачами, разрабатываемыми в той или иной степени казахстанскими тюркологами-компаративистами. В области сравнительно-исторических исследований в области тюркологии и алтаистики казахстанское языкознание в последние десятилетия заняло лидирующее положение в мире. Поэтому в душе теплится огромная надежда, что казахстанские языковеды и историки заинтересуются концепцией туранского этнолингвокультурного союза и возглавят увлекательную работу по изучению истории его формирования, развития и эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И.

- **1986:** Как можно улучшить этимологические словари *Ц* Этимология - 1984. - М.: Наука, 1986. - С. 7-27.

Ауэзова З.-А. М.

- **2005:** Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод и предисловие З.-А.М. Ауэзовой. Индексы Р.Эрмера. - Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - 1288 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А.

- **1963:** Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963.-Т.П.-391 с.

Владимирцов Б.Я.

- **1911:** Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. - СПб., 1911. - Т.ХІХ. - Вып.1. - С. 153-184.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.

- **1984:** Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. - Т.1-2. - LXXI +1328 с.

Гаркавец А.Н.

- **2002:** Кыпчакское письменное наследие. Т. I: Каталог и тексты памятников армянским письмом. Русская версия. - Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002. - 1084 с.

- **2005:** Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов. Составление и редакция А.Н.Гаркавца. - Алматы: Баур, 2005. - 1304 с.

- **2007:** Кыпчакское письменное наследие. Т.П: Памятники духовной культуры. Русская версия. - Алматы: Kasean, Баур, 2007. - 912 с.

Гумилев Л.Н.

- 1966: Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вестник Ленинградского университета. - Л., 1966. - №6. - С. 62-71.

- 1980: Этносы и природная среда // Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. - Пермь, 1980. - Вып.3. - С. 24-29.

- 1990: Этногенез и биосфера Земли / 3-е изд., стереотип. - Л.: Гидрометеиздат, 1990. - 526 с.

Дыбо А.В.

1996: Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). - М.: Языки рус. культуры, 1969. - 398 с.

2007: Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд (пратюркский период). - М.: Вост. лит., 2007. - 223 с.

- **2008:** Материальный быт ранних тюрков: Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. - М.: Вост. лит., 2008. - С. 219-272.

- **2007:** Тюркско-тохарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. (Материалы Тенишевских чтений - 2007). - М.: Сов. Писатель, 2007. - С. 80-108.

Егеубаев А.

- **1998:** Махмұт Қашғари. Түрк сөздігі / Аударған А.Егеубаев. - Алматы, 1998.

Егоров Н.И.

- **1992:** Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория болгарочувашской этноязыковой преемственности. - Алма-Ата, 1992. - 82 с.

- **2006:** Проблемы хронопологической стратификации чувашско-монгольских лексических параллелей и их историческая интерпретация // Чувашский гуманитарный вестник. - Чебоксары, 2006. - № 1. - С. 144-163.

- **2007:** Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огузов

98 (протоболгар) // VI. Uluslararası türk dili kurultayı - 2000. - Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. - II с. - S. 1912-1944.

- **2009:** Узловые проблемы ранних этапов огузо-булгаро-чувашиского этноглотогенеза и современные проблемы алтаистики // Сборник материалов Международной научной конференции «Чувашиский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р.Федорова и 60-летию со дня рождения Н.И.Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009 г.). - Чебоксары: ЧГИГН, 2009. - Ч.I. - С. 68-77.

Егоров Н.И., Егоров Э.Н.

- **2001:** Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огузов (протоболгар) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. - Чебоксары, 2000/2001. - № 3/1. - С. 185-204; 2002. - №4. - С. 140-154.

Жолдасбеков М., Сарткожаұлы Қ.

- **2006:** Атлас орхонских памятников. - Астана: Күлтегін, 2006. - 360 с.

- **2007:** Орхон ескерткіштерінің толық атласы. - Астана: Күлтегін, 2007. - 360 б.

Иванов В.В.

- **1961:** Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения // Лингвистические исследования по машинному переводу. - М.: Ин-т науч, информации, 1961. - Вып.2. - С. 5-28. **Ка'лужинский Ст.**

- **1968:** Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды НИИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР. - Якутск, 1968. - Вып.Ш (8). - С.5-21.

Карлинский А.Е.

- **1990:** Основы теории взаимодействия языков. - Алма-Ата, 1990.

Кляшторный С.Г.

- **2006:** Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. - СПб.: Наука, 2006.
- 591 с.

Киселев С.В.

- **1951:** Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 364 с. (МИА, №9).

Кононов А.Н.

- **1958:** Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. - 192 с. + 92 с. текста. **Максу ди Ареал С.**

- **2002:** Тюркская история и право / Пер. с тур. Р.Мухамметдинова. - Казань: Фэн, 2002. - 412 с.

Мандельштам А.М.

- **1975:** К иунской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. - Новосибирск, 1975.

Махпиров В.У.

- **1997:** Имена далеких предков: Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики. - Алматы: ИВ МН - АН РК, 1997. - 302с.

Наделяев В.М.

- **1981:** Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири: История и перспективы. - Новосибирск, 1981. - С. 11-37.

Норманская Ю.В.

- **2008:** Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. - М.: Вост, лит., 2008.-С. 119-154.

Природное...

- **2008:** Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. - М.: Вост, лит., 2008. - 342 с.

Радлов В.В.

- 1893: К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кутадгу Билика). - СПб., 1893. - 130 с. (Записки РАН. - 1893. - Т. 72. - Прил. №2); переизд.: Алматы, - 2003. - 130 с.

Рассадин В.И.

- 1980: Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. - М.: Наука, 1980. - 115 с.

Рона-Таш А.

- 1974: Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. М., 1974. - №2. - С. 31-45.

- 1987: Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // Чувашский язык: история и этимология. - Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. - С. 6-16.

Санжеев Г.Д.

- 1973: О тюрко-монгольских лексических параллелях // Сов. тюркология. - Баку, 1973. - №6. - С. 73-78.

Сарыбаев Ш.Ш.

- 1960: К вопросу о монгольско-казахских языковых связях // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. - Алма-Ата, 1960. - Вып.2. - С. 34-71; переизд. в: Вопросы казахского языкознания. - Алматы: Арыс, 2000. - С. 141-175.

- 1971: Монгольско-казахские лексические параллели // Проблема общности алтайских языков. - Л.: Наука, 1971. - С. 256-262.

Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р.

- 2005: Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. - Новосибирск, 2005. - С. 8-27.

Серебренников Б.А.

- 1956: Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. - М.; /1., 1956. - Вып. IX. - С. 33-56.

СИГТЯ, 1984-2006:

- 1984: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. - М.: Наука, 1984. - 484 с.

- **1986:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. - М.: Наука, 1986. - 284 с.

- **1988:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. - М.: Наука, 1988. - 560 с.

- **1997:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. - М.: Наука, 1997. - 800 с.

- **2002:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. - М.: Наука, 2002. - 767 с.

- **2006:** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. - М.: Наука, 2006. - 908 с.

Смагулов Е., Павленко Ю.В.

- **1998:** Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. - Алматы: Ғылым; М., 1998. - Вып.2. - С. 142-151.

Старостин С.А.

- **1991:** Алтайская проблема и происхождение японского языка. - М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. - 298 с.

Суюнчев Х.И.

- **1977:** Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. - Черкесск: Карач.-Черк. Отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1977. - 174 с.

Сыдыков С.

- **1983:** Монгольско-тюркские языковые параллели. - Фрунзе: Илим, - 1983. - 164 с.

Таскин В.С.

- **1973:** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. - М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1973. - Вып.2. - 171 с.

Татаринцев Б.И.

- **1976:** Монгольское влияние на тувинскую лексику. - Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. - 132 с.

Топоров В.Н.

- **1965:** Несколько замечаний к фонологической характеристике центрально-азиатского языкового союза (ЦАЯС) *И Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurilowicz.* - Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1965.

Туймебаев Ж.К.

- **2004:** Проблемы анлаутных губных согласных в алтайских языках. (Ревизия фонетического закона Рамстедта-Пеллио). - М., 2004. - 182 с.

- **2005:** Казахско-монгольские лексические параллели: Материалы к этимологическому словарю казахского языка. - М.: Рус. раритет, 2005. - 560 с.

- **2006:** Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. - Туркестан: МКТУ им. Х.А.Ясави, 2006. - 272 с.

- **2008:** История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. - Астана, 2008. - 371 с.

- **2009:** Теоретические принципы и критерии историкогенетического разграничения казахско-монгольских лексических параллелей. - Астана, 2009.

Щербак А.М.

- **1959:** Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. - М., 1959. - №6. - С. 51-63.

- **1966:** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. - М., 1966. - № 3. - С. 21-35.

- **1986:** Тюркско-монгольские языковые связи: (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. - М, 1986. - № 4. - С. 47-59.

- **1994:** Введение в сравнительно-историческое изучение тюркских языков. - СПб.: Наука, 1994. - 192 с.

- **1997:** Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII— XIV вв.). - СПб.: ИЛИ РАН, 1997. - 291 с.

- **2005:** Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. - СПб.: Наука, 2005. - 195 с.

Эдельман Д.И.

- **1968:** Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). - М.: Наука, 1968. - 112 с.

- **1976:** Структурные аномалии восточноиранских языков и типология субстрата // Studien zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. - Jena, 1976. - С. 74-93.

- **1978:** К теории языкового союза // Вопросы языкознания. - М, 1978.- №3.-С. 110-115.

- **1980:** К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. - М., 1980. - №5. - С. 21-32.

ЭСТЯ, 1974-2000:

- **1974:** Этимологический словарь тюркских языков. - М.: Наука, 1974: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. - 768; 1978: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». - 350 с.; 1980: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». - 395 с.; **1989:** Общетюркские и межтюркские основы на буквы «>Қ», «Ж», «Й». - 293 с.; **1997:** Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». - 368 с.; **2000:** Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ». - 265 с.; 2003: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ЛМН-П-С. - 446 с.

Юхас П.

- 1985: Тюрко-българи и маджари: Влияние на тюркско- българската култура върху маджарите. - София, 1985. - 456 с. **Якобсон Р.**

- **1963:** Типологические исследования и их вклад в сравнительное языкознание // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во иностр, лит., 1963. - Т. III. - С. 95-105.

Bang W.

- **1932:** Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarische Institut // Ungarische Jahrbücher. - Berlin; Leipzig, 1932. - Bd. 12. - S. 90-104.

Clauson G.

- **1959:** The earliest Turkish loan words in Mongolian // Central Asiatic Journal. - Wiesbaden, 1959. - Vol. IV. - № 3. - P. 174-187.

- **1960:** The Türkisch elements in 14-th century Mongolian // Central Asiatic Journal. - Wiesbaden, 1960. - Vol. V. - № 4. - P. 301- 316.

- **1962:** Türkisch and Mongolian Studies. - London, 1962. - XVII et 261 p.

Doerfer G.

- **1963-1972:** Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen, unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und

Timuridenzeit. I: Mongolische Elemente im Neupersischen. - Wiesbaden, 1963. - Bd. I. - 557 s.; Bd. II: Türkische Elemente im Neupersischen. - Wiesbaden, 1965. - 671 s.; Wiesbaden, 1967. - Bd. III. - 670 s.; Wiesbaden, 1972. - Bd. IV. - 650 s.

EDAL:

- **2003:** Etymological Dictionary of the Altaic languages / S.Starostin, A.Dybo, O.Mudrak. - Leiden; Boston: Brill, 2003: Part one [A-K]. - 858 p.; Part two [L-Z]. - 859-1556 p.; Part three [Indices]. - 1557-2096 p.

Gombocz Z.

- **1905:** Az altaji nyelvek hangtörtenetehez // Nyelvtudományi Közlemények. - Budapest, 1905. - 35 köt. - 241-284 lap.

- **1912/1913:** Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen // Keleti Szemle. - Budapest, 1912-1913. - Bd. XIII. - Hf. 1-2. - S. 1-37. **Hauer J.W.**

- **1939:** Zum gegenwärtigen Stand der Indogermanenfrage // Archiv für Religionswissenschaft. - Berlin, 1939. - Bd. 36. - S. 1-63. **Köppers W.**

- **1935:** Die Indogermanenfrage im Lichte der historischen Völkerkunde // Anthropos. - 1935. - Bd. 30. - S. 1-31.

- **1941:** Urtürkentum und Urindogermanentum im Lichte der Völkerkundlichen Universalgeschichte // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı: Belleten. - 1941. - №20. - S. 481-525; отд. оттиск: Istanbul, 1941.

Kotwicz W.

- **1953:** Studia nad językami altajskimi. / Wyd. Marian Lewicki. - Krakow, 1953. - 314 s.

Ligeti L.

- **1977; 1979:** A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. - Budapest, 1977. - I köt. - 430 lap.; 1979. - II köt. - 480 lap.

Nehring A.

- 1935: Studien zur Indogermanischen Kultur und Urheimat // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. - Bd. IV. - S. 9-229.

Poppe N.

- **1955:** The Turkic Loan-Words in Middle-Mongolian // Central Asiatic Journal. -Wiesbaden, 1955. - Vol. IV. - № 1. - P. 36-42.

- **1962:** Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen // Nemeth Armağanı. - Ankara, 1962. - 331-340 s.

- **1970:** Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony). - Budapest, 1970. - 23 lap. (Kézirat).

- **1975:** The Altaic theory and the history of a Middle Mongolian loan word in Chuvash // Researches in Altaic languages. - Budapest, 1975.-P. 201-211.

- **1981:** The character of the Hungarian-Bulgaro-Turkic relations // Studia Turco-Hungarica. T. V: Turic-Bulgarian-Hungarian Relations. - Budapest, 1981. - P. 119-128.

- **1982:** Loan-words of ultimate Middle Mongolian origin in Chuvash // Studies in Chuvash etymology I. Studia Altaica. - Szeged, 1982.-Vol. 17. - P. 66-134.

- **1986:** Language and History: Contribution to Comparative Altaistics. - Szeged, 1986. - 270 p.

Schrader O.

- **1929:** Rallexicon der indogermanischen Alterdumskunde: Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas / Hrsg, von O.Schrader. - Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co., 1917-1923; 2 te Aufl. - 1929. - Bd. I-II.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O.

- **2003:** Etymological Dictionary of the Altaic Languages. - Leiden; Boston: Brill, 2003. - Vol. 1: (A - K) - 858 p.; Vol. 2: (L - Z). - 859-1556 p.; Vol. 3: (Indices). - 1557-2096 p.

Yegorov N.I.

- **2007: Ex Oriente lux:** To the problem of the central-asian Ogurs (*wuhuan*) the possible historical Chuvash ancestors (according to the materials of the Old Chinese dynasty chronicles) // The Second International Conference on Historical China Studies. - Shanghai, 2007. - P. 233-243.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Манифестация «Туранского языкового союза»	8
Перспективы ареального изучения истории туранского языкового союза	
20	
Перспективы интеграции археологических, исторических и языковедческих знаний при изучении истории туранского языкового союза	26
Перспективы компаративного изучения истории туранского языкового союза	42
Перспективы комплексного (компаративно- контрастивно-ареально- контактологического) изучения истории туранского языкового союза	51
Перспективы контактологического изучения истории туранского языкового союза	73
Перспективы контрастивного изучения истории туранского языкового союза	82
Вместо заключения	88
Библиографический список использованной литературы.	97

Туймебаев Жансейт Кансейтович
Егоров Николай Иванович
Чеченов Алий Ахматович

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
ТУРАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ**

Технический редактор Мансуров К.Ж.
Дизайнер Амиржанова А.О.

Редакционно-издательский отдел Кокшетауского государственного
университета им. Ш.Ш. Уалиханова

Подписано в печать 09.06.2009 г. Объем 7 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 40
Ш.Ш. Уәліханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университетінің
баспаханасында басылған

Отпечатано в типографии Кокшетауского государственного университета
им. Ш.Ш. Уалиханова

Наш адрес. Казахстан, Акмолинская обл., г. Кокшетау,
ул.Абая 76, РИО КГУ им. Ш. Уалиханова

Web-site: www.kgu.kz

e-mail: universi@kokshetau.onlinp.kz